

СТИЛЬ ЖЕНЩИНЫ

Звездная болезнь:

Платья в главных ролях с. 30–39

Влезть в чужую кожу: вековые тайны Lancel с. 44

Драгоценное знание Van Cleef & Arpels с. 54

Ванесса Мэй и часы Олимпиады с. 62

Антонио Маррас и театр с. 46

Росселла Джардини и кино с. 48

Паоло Джерани и поп-арт с. 50

ЗВЕЗДЫ И НАРЯДЫ МИСТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ, ДОКАЗАННАЯ ТЕЛОМ

Коммерсантъ

Тематическое приложение
к газете «Коммерсантъ» №31

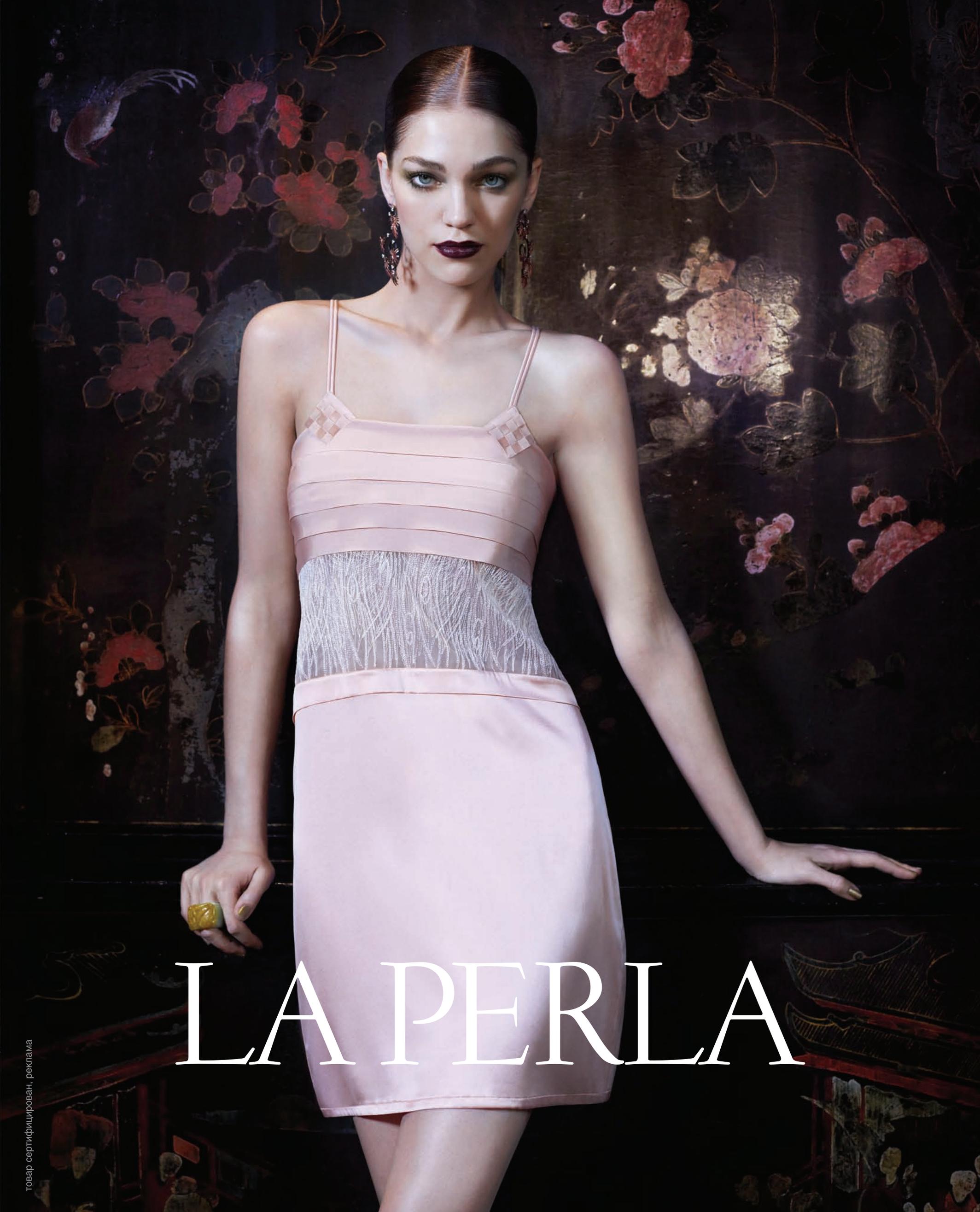
Иногда путь вам указывают звезды.

Мухаммед Али и восходящая звезда. Феникс, Аризона.

- МОСКВА
гум, красная площадь, 3
петровский пассаж, ул. петровка, 10
весна, ул. новый арбат, 19
- САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
большой проспект п.с., 59
- СОЧИ
морской вокзал, ул. войкова, 1
- WWW.BOSCO.RU
+7 (495) 660 0550

LA PERLA

Bosco & Ikegami
FAMILY

■ МОСКВА

гум, красная площадь, 3
петровский пассаж, ул. петровка, 10

■ WWW.BOSCO.RU

+7 (495) 660 0550

ICEBERG

ЗВЕЗДНЫЕ
МАРШРУТЫ
И ТАЙНЫЕ
СИМВОЛЫ

44
СТР.

42
СТР.

| 18 **Глянцевое бессмертие**
Михаил Трофименков
и Анисия Кронидова
о великих
девушках
с обложки

| 24 **Достояние Республики**
Мария Сидельникова
о главных
красавицах нового
французского
кабинета

| 28 **Звездная репутация**
Алексей Тарханов
о выставке Stars
en Dior в Гранвиле

| 30 **Успеть на выход**
Марина Прохорова
о тенденциях

| 42 **Французский состав**
Екатерина Истомина
о показе Louis
Vuitton в Шанхае

| 45 **«Повар без супа ничего не стоит»**
Алан Дюкасс
о кулинарной
школе в Москве

| 46 **«Я не шью костюм из цитат»**
Антонио Марасс
о театре и костюме
как тени

| 48 **«Мой стиль мягче, чем был у Франко Москино»**
Росселла Джардини
о dolce vita
и математике

| 52 **«Корсет — предмет бессмертный»**
Джованни Бьянки
о гейшах
и курортах

| 56 **Гвардия ленинградской торговли**
Кира Долинина
о ДЛТ
после
реконструкции

| 60 **Здоровая романтика**
Екатерина Истомина
о курорте
Бад-Рагац

| 61 **Модный Улисс**
Эдуард Дорожкин, Tatler
о том, что
придумал
Карл
Лагерфельд для
«Метрополя»

| 62 **«Буду выигрывать в Сочи»**
Ванесса Мэй
об оставленной
музыке,
часах Omega
и горных лыжах

**ГАРДЕРОБ
НА ГОЛУБОМ
ЭКРАНЕ**

| 35 **Марлен Дитрих**
| 36 **Келли Макгиллис**
| 37 **Натали Портман**
| 38 **Марион Котийяр**
| 39 **Одри Хепбёрн**

генеральный директор ИД «Коммерсантъ» *павел филинков* | шеф-редактор ИД «Коммерсантъ» *азер мурсалиев* | главный редактор неделовых изданий *елена нусинова* | дизайн-проект *анатолий гусев* | главные редакторы *екатерина истомина, алексей тарханов* | текст-редактор *мария мазалова* | главный художник *дмитрий гусев* | художник *денис ландин* | бильд-редактор *светлана шаповаленко* | выпускающий редактор *наталья ковтун* | корректура *елена вилкова* | верстка *константин шеховцев, дмитрий шнырев, марина мединская* | директор объединенной службы рекламных продаж *валерия любимова* | дирекция по рекламе: отдел продаж *надежда ермоленко ermolenko@kommersant.ru* | отдел размещения *наталья чупахина chupahina@kommersant.ru* (499) 943 9108, (499) 943 9110, (499) 943 9112, (495) 101 2353 | Учредитель ЗАО «Коммерсантъ. Издательский Дом». Адрес издателя и редакции: 125080 г. Москва, ул. Врубеля, д. 4. Журнал «Тематическое приложение к газете „Коммерсантъ“» зарегистрирован Роскомнадзором, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-38790 от 29.01.2010 г. Отпечатано в Финляндии. Типография PunaMusta, Kosti Aaltosen tie 9, 80140 Joensuu. Тираж 75 000 экз. Цена свободная
Фото на обложке: выставка Stars en Dior в Гранвиле, платья работы Джона Гальяно для Dior, фото Алексея Тарханова

ESCADA

Алексей Тарханов

Звезда родилась

Когда мне говорят, что звезды придуманы для мужчин, я думаю, что это большое заблуждение. Мужчины, бывает, присваивают их себе — по праву власти или красоты, денег или молодости. Но на самом деле звезды существуют для других женщин, это их отображение, их свет и их надежда.

За это мы им платим, за это они расплачиваются с нами. И нельзя с уверенностью сказать, кто кому больше должен. Истории из жизни кинозвезд бывают печальны. Норма Десмонд, стареющая дива из «Сансет бульвара», лишена лишь одного — любви зрителей. И единственный мужчина, оставшийся ей верным, пишет ей письма от имени бесчисленных поклонников, которым она рассылает уже никому не нужную фотографию. Она мечтает о новой роли, которую она, возможно, уже не в силах сыграть. Но если бы ей дали ее сыграть и поставили бы перед камерой, она снова бы отразила свой звездный свет и стала бы такой же прекрасной, какой спускается она навстречу приехавшим ее арестовывать полицейским.

Сколько звезд на нынешнем небе? Много, гораздо больше, чем даже в золотые годы Голливуда. Это потому, что каждый режиссер мечтает отчеканить свою звезду. Он знает, что фильм, где засветилась звезда актрисы, запомнят навсегда. Звездой, казалось бы, стать легко, легко по-

35

ВЕРНЫЕ ШАГИ
К ВРЕМЕНИ
МАРЛЕН
ДИТРИХ

BOSS
HUGO BOSS

лучить свою первую роль, легко впервые выйти на подиум. Но нельзя быть звездой наедине с собой, если не получить ответа, который можем дать только мы, обычные зрители и читатели, звездный свет погаснет.

Звезды — недостижимые образцы? Глупости. Нам только кажется, что они живут и светят далеко от нас. Просто вблизи мы их не замечаем. Я несколько раз оказывался в нескольких метрах от женщин, которыми любовался на экране, и не узнавал их. Я назначал с ними рандеву, приходил заранее и долго искал за столиками знакомые лица, но узнавал их только тогда, когда они сами начинали волноваться, куда это делся журналист, с которым они должны сегодня встретиться. Но мы начинали разговаривать, и свет разгорался все ярче, и когда я уходил и оглядывался, я не мог поверить, что эту женщину я час тому назад не узнал среди других.

Вспомните бесконечные снимки подкарауленных актрис — в трениках и с авоськой, которые вызывают бесконечные насмешливые комментарии. Разочарование? Ничуть. Они не светились, потому что ток, который идет к ним от нас, в этот момент был выключен. Возможно, экономии ради, чтобы не перегореть.

40

СТР.

МУЗЫ КАРЛА
ЛАГЕРФЕЛЬДА —
В ВЕРСАЛЕ
И МОНТЕ-КАРЛО

61

СТР.

150 YEARS

MASTERING SPEED FOR 150 YEARS*

РЕКЛАМА

Grand Prix d'Horlogerie
de Genève

Prize of La Petite Aiguille • 2010

Качающееся зубчатое колесо, изобретенное Эдвардом Хоэром в 1887 году и модернизированное в собственном механизме Calibre 1887, позволяет хронографу стартовать менее чем за 2/1000 секунды.

*Управляя скоростью на протяжении 150 лет

TAGHeuer

SWISS AVANT-GARDE SINCE 1860

Бутики TAG Heuer

Москва, Столешников, 14, (495) 623 09 17 • Тверская, 19, (495) 699 38 39

Санкт-Петербург, Невский проспект, 15, Талеон Клуб, (812) 458 85 88

Екатеринбург, улица Бориса Ельцина, 8, Hyatt Regency Hotel, (343) 359 40 49

— Екатерина Истомина

«Меня зовут Одри Тату»

Во французском доме Chanel, как мне однажды показалось, объявилась новая сотрудница. Молодая девушка с очень короткой стрижкой в большом замшевом пиджаке, балетках и джинсах принимала участие в светском церемонном мероприятии, которое дом Chanel несколько лет назад проводил в Берлине. Это была международная презентация то ли духов, то ли декоративной косметики, короче, рядовое торжественное многолюдное событие.

Среди известных мне работников дома эта сотрудница выглядела явным новобранцем: я понимала, что она работает в марке не так давно.

Во-первых, я девушку совсем не знала, хотя ее лицо было мне знакомо.

Во-вторых, держалась она уверенно, но при этом независимо. Мысль о том, что эта девушка не работает в Chanel, мне в голову не приходила. Ведь только такие девушки и должны там трудиться: изящные, французские, очень маленькие, чем-то похожие на птичек. Разумеется, она могла быть только из Chanel, ведь ей было предписано именно этому дому служить: эти маленькие черные платья, вечные сумки 2.55, двухцветные туфли. Возможно, решила я, она поступила в какой-то сверхсекретный стратегический отсек Chanel. Вероятно, она работает в неких таинственных творческих лабораториях древней могущественной марки — там, где рождаются мифы и ле-

37

ЗВЕЗДЫ
ИЗ ДРУГИХ
ГАЛАКТИК: ИХ
ЗОЛОТО, КОЖА,
МИШУРА

LANCEL

PARIS 1876

La Collection Daligramme*

Б. Дмитровка, 13, тел.: (495) 777 4100

ТРК «Атриум», Земляной Вал, 33, тел.: (495) 937 9026

ГУМ, 3-я линия, тел.: (495) 937 9024

ТРЦ «Афимолл», Пресненская наб., 2, тел.: (495) 937 9025

ТРЦ «Европейский», галерея «Pret-a-porter», тел.: (495) 229 2769

ТЦ «Наутидус», Никольская, 25, тел.: (495) 937 0526

Реклама

Товар сертифицирован

* Коллекция Daligramme

Dalí: © Fundació Gala – Salvador Dalí

генды, образы и эталоны, пальто и шляпы, часы и кольца, тушь и помада. Если это так, то абсолютно понятно, почему ее имя не произносится никем публично, а она сама ни к кому не обращается и сидит вот так, одна-одинешенька: незнакомка вертелась на стуле в центре жующей светской толпы. В конце концов я решила обратиться к ней.

«Вы простите мне, пожалуйста. Я отлично понимаю, что вы работаете в доме Chanel. Но дело в том, что в доме Chanel я всех знаю. А вас нет. Давайте же знакомиться! Вы, собственно, из какого департамента будете? Кутюра, часов, ювелирных украшений? Вы маркетинг, пиар, вы реклама?» — я бодро перечислила еще несколько отделений Chanel, включая дочерние парижские мастерские по производству шелковых камелей и бижутерии.

Девушка не смутилась.

Но она и не засмеялась.

«Давайте знакомиться, конечно.

Меня зовут Одри Тату!»

Французская актриса Одри Тату в том году стала лицом духов Chanel N°5.

54

СОЗВЕЗДИЕ
ЮВЕЛИРОВ —
В ДРАГОЦЕННОЙ
ШКОЛЕ VAN
SLEEF & ARPELS
В ПАРИЖЕ

*Life is about moments**

BAUME & MERCIER
MAISON D'HORLOGERIE GENEVE 1830

www.baume-et-mercier.com

Москва: Консул Кутузовский пр-т, 35/30, тел. [495] 971 85 73; ул. Тверская, 25, тел. [495] 699 50 45; ТЦ "МЕГА Теплый Стан", 41-й КМ МКАД, тел. [495] 971 97 66; ТЦ "МЕГА Химки", Ленинградское шоссе, г. Химки, тел. [495] 778 67 14; ТРЦ "Ереван Плаза", ул. Большая Тульская, д. 13, тел. [495] 971 97 74 • Ле Локль ул. Декабристов, 12, ТЦ "Золотой Вавилон", тел. [495] 783 97 40 • Тайм Авеню ул. Земляной Вал, д. 33, ТРК "Атриум", тел. [495] 937 62 05 • Conquest ул. Петровка, 28, стр. 1/2, тел. [495] 650 76 37 • Da Vinci Смоленская пл., 3, стр. 5, ТЦ "Смоленский Пассаж", тел. [495] 937 80 89 • Eurotime Сретенский бул., 2, тел. [495] 625 26 21 • Sublime by Bosco Красная пл., 3, ГУМ, тел. [495] 620 33 90 • Vendome Киевская пл., 1, ТЦ «Европейский», тел. [495] 229 61 68
Адреса магазинов в России и СНГ на сайте: www.baume-et-mercier.com

* Жизни драгоценные моменты

Hampton

Глянцевое бессмертие Актрисы кино — на обложках

Михаил Трофименков и Анисия Кронидова |

«ОНА — ВСЕ! Она — видение пьяницы и мечта одинокого. Она смеется, словно юная девушка, так беззаботно и счастливо, а в ее глазах видится нечто, что никогда не обретет выражения в словах, слетающих с ее губ. Когда ненависть мерцает в ее глазах, мы сжимаем кулаки; когда же раскрывает она глаза — это звезды светят». Так Гийом Аполлинер объяснялся (1911) в любви к женщине, с которой не имел никаких шансов встретиться, да и нуждался ли в этом, ведь любил он бесплотную тень — датскую вамп Асту Нильсен.

Объявив Асту «божественной», зрители 1910-х годов признали божественную природу актеров как класса, хотя еще вчера боги были никем и звали их никак: в титрах имена актеров отсутствовали. Продюсеры считали: позволь теням, этой рабочей скотинке, обрести имя — возмнят о себе, прибавки потребуют. Но и у анонимов завелись поклонники, потребовавшие (1909) от студии «Байограф» указать в титрах имя 23-летней Флоренс Лоуренс.

О кей, ее глумливо указали как «девушку „Байографа“». Девушка оказалась с характером: разорвала контракт, угодила в черный список всемогущего Кинотреста, но ей было куда уходить. Карл Леммле, лысый гном из немецкого захолустья, отец студии «Юниверсал», объявил тресту войну. В марте 1910 года купленные им репортеры сообщили о гибели Лоуренс под колесами авто. Когда поклонники изошли на слезы, Леммле разместил в газетах гневный текст «Мы разоблачаем ложь», пригласив зрителей на первую в истории встречу с первой звездой.

Миф о звездах родился как миф об умирающем и воскресающем Боге.

Судьба же Лоуренс прискорбна. Пожар на съемочной площадке (1914) погубил ее красоту, карьеру и брак: актриса обвинила мужа-режиссера в покушении, а череда бед довела ее до самоубийства (1938). Само ее имя забылось до конца века. Но все это неважно. Не будь Лоуренс, не было бы ничего. Ни фотографий затянутой в черное трико Мюзидоры в блиндажах Вердена, ни имени «Гильда», начертанного на боку атомной бомбы в честь героини Риты Хейворт, ни размноженной до дурноты «иконы» Одри Хепбёрн. Ни журналов — не о кино, а о жизни звезд, ни читательниц этих журналов — женской Библии пополам с рецептом крема вечной молодости.

СКАЖИ «МЭРИЛИН» —
вспомнятся обложки Life:
скользит с округлых плеч белое платье

MaxMara

РИТА ХЕЙВОРТ, PHOTOPLAY, 1958

Аполлинер, воспевая Асту, ничем не отличался от домохозяек, которые в 1910-х завивали локоны-штопоры, как Мэри Пикфорд, в 1930-х щеголяли в белых мужских рубашках, как Кэтрин Хепбёрн, в 1960-х подводили глаза, как Элизабет Тейлор («Клеопатра»), или без видимых причин воображали себя никем не понятой Холли Голайтли в «маленьком черном платье». Они перевоплощались в звезд, звезды обретали в них свою четвертую жизнь, если первой считать жизнь реальную, второй — экранное бытие, а третьей — бессмертие, дарованное не хрупким целлулоидом, а глянцевой бумагой.

Скажи «Мэрилин» — вспомнятся обложки Life: скользит с округлых плеч белое платье, обожающий — снизу вверх — взгляд на мужа, дылду Артура Миллера. Скажи «Катрин Денев» — увидишь плавающее в оранжевом свете лицо с обложки Vogue. Шепни «Одри» — вспыхнут с обложки Harper's Bazaar огромные глаза из-под шляпы-абажура.

Култ звезд нелеп и почти непристойен: в «Секретах Лос-Анджелеса» Джеймса Элроя бордель укомплектован двойниками Ланы Тернер или Джейн Мэнсфилд. Култ звезд опасен: в 1943 году Белый дом потребовал от Вероники Лейк отказаться от распущенных волос и пряди, закрывающей глаз. Такое «пикабу» могло стоить жизни ее подражательницам, заменившим у заводских станков мобилизованных мужчин.

Простушки, что с них возьмешь? Но вот прожженный — иначе бы не стал третьим человеком в иерархии MGM — 42-летний продюсер Пол Берн. Создал имидж первой платиновой блондинки — 20-летней Джин Харлоу, женился на ней, в первую ночь избил, вскоре застрелился. Бедняга поверил в собственный миф о секс-бомбе, способной излечить его от импотенции. Наивная Джин, у которой Берн был вторым мужчиной, не удержалась при покушении на близость от смеха. Пигмалион обманул сам себя.

С актрисами, достигшими статуса «девушки с обложки», происходит что-то почти мистическое.

Конечно, отчасти они произведения декоративно-прикладного искусства. Адриан акцентировал плечи Джоан Кроуфорд, которые и так были как у Джонни Вайсмюллера («Тарзан»). Трэвис Бентон довел андрогинность Марлен Дитрих до безупречности иероглифа. Орри Келли нахлобучил на Ингрид Бергман в «Касабланке» такую

МАРЛЕН ДИТРИХ, SCREEN PLAY, 1931

Идеальное место для двоих.

Счастье, во всех его проявлениях.

Богатое историческое наследие, удовольствия большого города, уединённые уголки, где замирает время и слышен лишь шум лазурного прибоя. Где ещё можно найти такой отдых, кроме Малайзии? Эти впечатления останутся с вами на долгие годы. Мы приглашаем вас воплотить все ваши мечты в Малайзии.

TOURISM
MALAYSIA

Malaysia
Truly Asia

www.tourismmalaysia.gov.my
www.tourismmalaysia.ru

Софи Лорен, Vogue, 1965

же шляпу и плащ, как у Богарта. Живанши ответственен за «маленькое черное платье» Холли, Жан Луи — за сладострастные перчатки и зияющий разрез на платье Гильды, Диор — за гламурный new look Грейс Келли.

Жизнеподобия в дизайне не было никогда. Ни в 1930-х, когда заломленные руки Глории Свенсон и Полы Негри, их тюрбаны, их павлиньи и страусовые перья превратились в посмешище и звездам дозволили тривиальные и комические сюжеты. Ни в 1940-х, когда неореалисты провозгласили — и, конечно же, обманули — кино без звезд. Ни в 1950-х, когда звезды, утомленные вечной юностью, заиграли женщин своего возраста. А если мракобесы запрещали декольте на экране, кодекс Хейса огибали, обнажив звездные спины.

Модельеры шли мимо своей эпохи, а оказывались впереди нее: журналы ставили элитарные находки на конвейер жизни. То же происходило с актерской игрой: манеры, органичные, казалось бы, лишь на экране, воплощались в новые модели поведения. Соперничество за звание главной звезды эпохи подстегивало этот процесс: Гарбо против Дитрих, Бардо в бесстыжем мокром платье против ледяной, но внутренне раскаленной «дневной красавицы» Денев. Вспомним 1920-е годы: мир без идеалов и иллюзий, жесткая эмансипация, триумф и похмелье «потерянного поколения». На экране Колин Мур отбивает у Клары Боу звание главной «флоппер» — вертихвостки переходного возраста, сорванца и оторвы, которая хоть свитер в юбку заправит, хоть наденет к вечернему платью боксерские перчатки.

Сексуальную революцию предвещал беспрецедентный фейерверк дизайнерских идей. Джин Сиберг («На последнем дыхании», 1959) прошла по Елисейским полям в футболке — неслыханный жест. Монро совершила свой самый революционный поступок, натянув джинсы не в вестерне, а в современной драме («Неприкаянные», 1960). Карибский прибой вынес на берег Урсулу Андрес («Доктор Но», 1962) в бикини. Антониони («Блю ап», 1966) сделал мини-юбку униформой свингующей эпохи. Пако Рабан одел Джоанну Шимкус («Искатели приключений», 1967) в металл и «раздел» Джейн Фонду («Барбарелла», 1968) в ретро-футуристические доспехи.

Сейчас все вроде бы как прежде: свежие звезды, зрелые модельеры, старые добрые журналы, но что-то сломалось. По

СЕЙЧАС ВСЕ ВРОДЕ БЫ КАК ПРЕЖДЕ:

свежие звезды, зрелые модельеры,
старые добрые журналы,
но что-то сломалось

Одри Хепбёрн, афиша к «Завтрак у Тиффани» Блейка Эдвардса, 1961

Джин Харлов, Photoplay, 1931

МАРЛЕН ДИТРИХ,
АФИША К ФИЛЬМУ «АНГЕЛ»
ЭРНСТА ЛЮБИЧА, 1937

ФОТОВАНК/GETTY IMAGES/CAB ARCHIVE/REDIFERNS

большому счету последнее мегасобытие, сравнимое с явлением Дитрих в смокинге («Марокко», 1930), — эксгибиционистское шоу Тима Карри в боа и корсете («Шоу ужасов Рокки Хоррора», 1975).

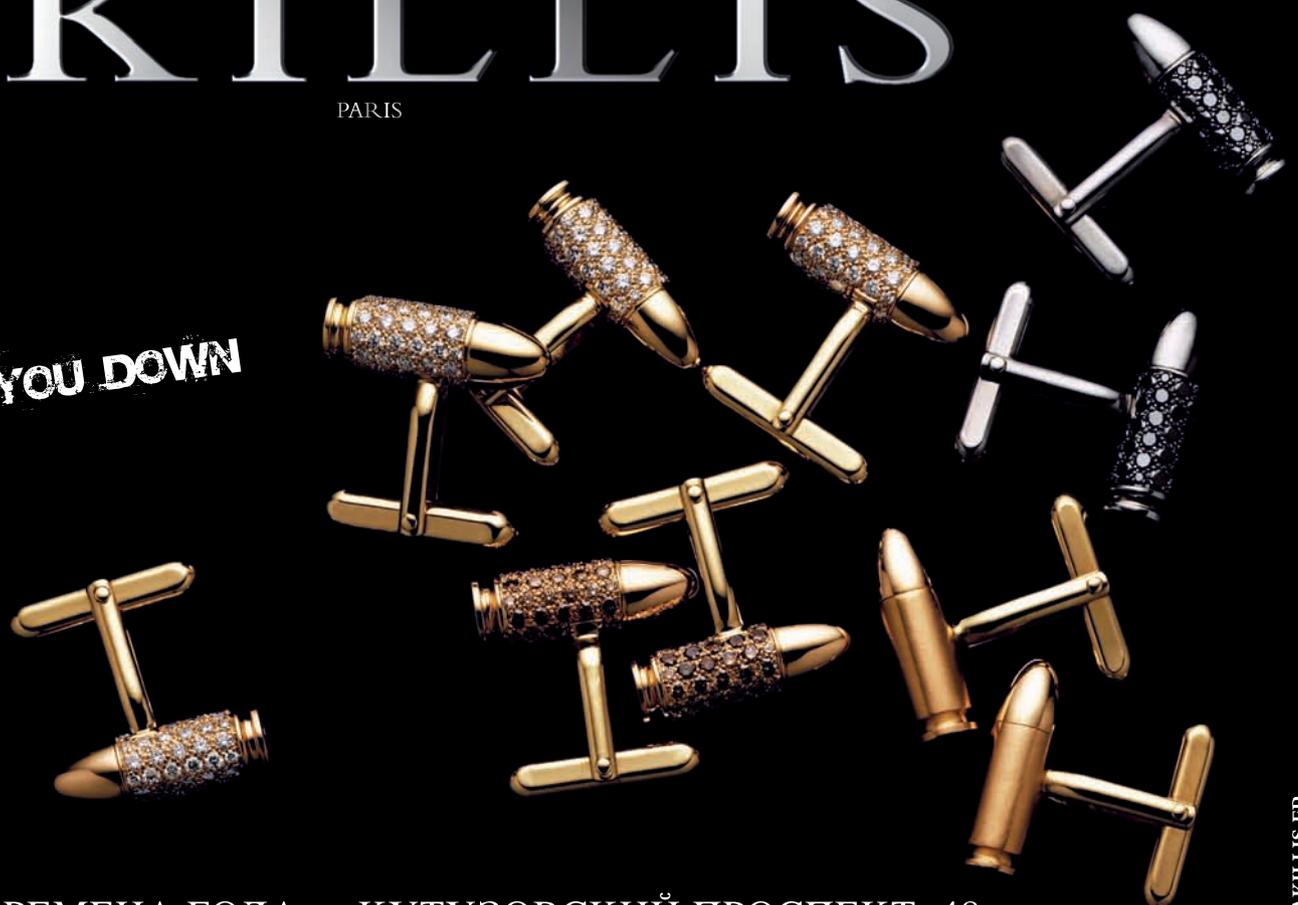
Начиная с 1970-х власть над умами и телами захватил принцип identity: грубо говоря, «я такая, какая есть». Под самоутверждением же — благо пробил час «постмодернизма» — понималось цитирование или копирование, а то и мелкое воровство. Лайза Миннелли («Кабаре», 1971) открыла золотую жилу веймарского декаданта. Белую рубашку Кэтрин Хепбёрн примерили Ким Бейсингер («91/2 недели», 1986) и Уме Турман («Криминальное чтиво», 1994). Мила Йовович («Пятый элемент», 1997) выглядела как внучка Барбареллы. Даже демонстрируя восхитительное отсутствие нижнего белья, Шарон Стоун («Основной инстинкт», 1992) цитировала Бардо, задиравшую юбку перед стариканом Габеном («В случае несчастья», 1957). Едва ли не единственное открытие последних трех десятилетий — превращение оружия в будничные женские аксессуары. Впрочем, начало этому положила Фэй Данауэй, которой автомат Томпсона был так же клицу, как берет и юбка-карандаш («Бонни и Клайд», 1967).

Наверное, просто исчезла вера в волшебную силу кино, способного перекроить реальный мир по своей прихоти. Но цитаты когда-нибудь кончатся, а глянцевые журналы терпеливы: их обложки ждут и, дай бог, дождутся новых, ни на кого не похожих звезд, походить на которых станут, как в славном прошлом, миллионы читательниц.

AKILLIS

PARIS

КОЛЛЕКЦИЯ
BANG BANG I SHOT YOU DOWN

ГАЛЕРЕЯ «ВРЕМЕНА ГОДА» - КУТУЗОВСКИЙ ПРОСПЕКТ, 48
+7499 922 4170

БЭНГ, БЭНГ, ПОРАЖАЕТ В САМОЕ СЕРДЦЕ. РЕКЛАМА.

WWW.AKILLIS.FR

Достояние Республики

Женщины нового французского кабинета

Мария Сидельникова |

ДЕЛЬФИН БАТО: 39-ЛЕТНЯЯ ЭТАЛОННАЯ, ОБРАЗЦОВАЯ, КЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИСТКА ЗАНЯЛА ПОСТ МИНИСТРА ЭКОЛОГИИ, РАЗВИТИЯ И ЭНЕРГЕТИКИ

ИХ 17. ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ЖАН-МАРК ЭРО СДЕРЖАЛ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА ФРАНСУА ОЛЛАНДА и поделил министерские кресла в кабинете поровну между мужчинами и женщинами. «Стиль-Ъ» выбрал самых красивых дам во французском правительстве.

Дельфин Бато, 39 лет. «Мадам Безопасность» Социалистической партии в итоговом составе правительства заняла пост министра экологии, развития и энергетики. Со школьной скамьи Дельфин Бато помогала слабым и боролась с сильными и в итоге выросла в образцовую социалистку, преданную когда-то всем сердцем Франсуа Миттерану, а теперь его подражателю Франсуа Олланду. Свою первую серьезную победу она одержала в начале 1990-х годов над тогдашним министром образования Лионелем Жоспеном. Два месяца забастовок, на которые подвигла единомышленников лидер студенческого профсоюза Дельфин Бато, привели к тому, что господин Жоспен лично встретился с протестующими и выделил из госбюджета 4,5 млрд франков, чтобы успокоить студентов. Активная гражданская позиция довела студентку до руководства одной из главных правозащитных организаций во Франции «SOS Расизм». Так юной активистке открылись двери в большую политику. В партии социалистов в ее ведомстве нахо-

дились несовершеннолетние преступники и связанные с ними вопросы безопасности. Франсуа Олланду министр досталась по наследству от экс-подруги жизни Сеголен Руаяль: с ней она прошла и провалившуюся предвыборную президентскую кампанию 2007 года, с ней же до последнего была на праймериз социалистов, но в итоге перешла в лагерь к Франсуа Олланду, став одним из его пресс-секретарей, а это прямой путь в министры. Безупречную репутацию образцовой карьеристки подпортили журналисты. В марте, в разгар кампании Франсуа Олланда, выяснилось, что вот уже десять лет Дельфин Бато снимает в Париже социальную квартиру площадью 108 кв. м за каких-то €1524. И пусть это 19-й округ, по московским меркам неблагополучный спальный район, цена остается на 30% ниже рыночной стоимости. Мэрия, правые и даже однопартийцы требовали от Дельфин Бато покинуть апартаменты. Она в ответ говорила, что это заговор, и съехала лишь после официального назначения министром.

Сильвия Пинель, 35 лет, министр сельского хозяйства, торговли и туризма. Ее карьера была настолько стремительной, что обескураживала даже самых почтенных ее соперников. Она никогда не скрывала, что считает за счастье расти по карьерной лестнице рядом с мужчиной, особенно если этот мужчина Жан-Мишель Байле — глава департамента Тарн и Гаронна, сенатор, президент левой Радикальной партии и влиятельный владелец рупора крайне левых, региональной газеты La Deriche du Midi. Семья Байле долгие десятилетия управляет издательским концерном и строго следит за тем, чтобы в крепкую дружбу журналистики и политики никто не вмешивался. Более того, Жан-Мишель Байле всегда искренне расстраивается, когда его обвиняют, например, в том, что крупнейшие региональные ассоциации, которые сидят на гособеспечении, становятся крупнейшими рекламодателями его же газеты. «Я такой же журналист, как и тысячи других во Фран-

ции, — объясняется господин Байле, — а закона, запрещающего заниматься одновременно политикой и журналистикой, нет». В этой образцовой левой империи Сильвия Пинель и выросла как политик. Начинала как помощница Жан-Мишеля Байле, затем стала главой его администрации, а уже в 2007-м — ей не было и тридцати — стала депутатом от Тарн и Гаронна. Ее соперник на парламентских выборах — кандидат от партии Никола Саркози Жак Брига — лишь развел руками, что-то такое рассказал журналистам про необъективную предвыборную кампанию, даже обратился с жалобами в Конституционный совет, но понимания и поддержки нигде не сыскал. Широкую известность, но на этот раз в национальной прессе, Сильвия Пинель получила в 2010 году. 1 апреля она вместе с девятью другими депутатами от крайне левых в Национальной ассамблее выступила за отмену закона, принятого Наполеоном более двухсот лет назад. Согласно постановлению, которое формально действует до сих пор, женщины, желающие одеваться как мужчины, должны получать разрешение префектуры полиции. В начале прошлого века к этому закону были внесены поправки, и законодотворцы позволили надевать штаны лишь тем дамам, которые управляют велосипедом или лошастью. Инициативу депутаток во Франции сначала приняли за первоапрельскую шутку, но женщины оказались более чем серьезны и добились рассмотрения своей просьбы на высшем уровне.

Сильвия Пинель: 35-летняя бывшая руководительница администрации левого сенатора Жан-Мишеля Байле возглавила Министерство сельского хозяйства, торговли и туризма

Аурели Филиппети: 39-летняя пролетарская писательница отвечает за культуру и коммуникации

Сесиль Дюфло, 37 лет. Министр по территориальному равенству и жилищной политике. В свои 37 лет она трижды переизбиралась на пост главы партии «Европа. Экология. Зеленые». Сесиль Дюфло в совершенстве владеет искусством политических интриг. В то время как кандидат зеленых на президентских выборах Ева Жоли в прессе яростно сражалась за отказ от ядерной энергии и закрытие всех АЭС во Франции, Сесиль Дюфло, заручившись поддержкой группы зеленых депутатов, тихонько заключила договор с Франсуа Олландом, пожертвовав экологическими ценностями во имя министерского кресла. Где теперь Ева Жоли и ее разноцветные очки, никто уже и не знает. Зато мадам Дюфло не оставляет французских журналистов без работы, выдавая информационные поводы на любую газетную полосу. Премьер-министр Эро взял на карандаш говорливую министершу еще в июне, когда за несколько дней до решающих для социалистов парламентских выборов Сесиль Дюфло вдруг разразилась предложением легализовать марихуану, приравняв ее к алкоголю и табаку. Правые не упустили шанс «пнуть» новое правительство: мол,

смотрите, французы, что вас ждет. Премьер же поспешил откреститься от компрометирующих партийных заявлений, сделал ремарку в духе «мнение министра может не совпадать с мнением правительства». На летнем информационном безрыбье Сесиль Дюфло стала настоящим спасением: «дело о платье» было актуально как минимум неделю. На заседании парламента правые депутаты оживили ее платье в цветах, спровоцировав полемику о поведении в Национальной ассамблее и более глобально — о недопустимости мачизма. О том, чем так возбудило это невинное платье мадам Дюфло правых депутатов, размышляли сексологи и редакторы моды, политики и экономисты, научные сотрудники и еще бог знает кто. Впрочем, министр по территориальному равенству и жилищной политике не впервой: до этого она стала главным фигурантом «дела о джинсах». На одном из первых советов министров, когда новобранцы социалистического правительства позировали каждую минуту перед фотокамерами, она пришла — о боже! — в джинсах. Возмущились опять же правые: «Мадам в джинсах не может представлять Францию — это неува-

жение к французам!» Но звучали и более либеральные мнения: «Проверьте лейбл: если джинсы сделаны во Франции, то почет и уважение Дюфло!» Тема одежды явно пришлась ей по вкусу, и в августе министр пошла ва-банк и надела балаклаву в знак солидарности с Pussy Riot.

Флер Пеллеран, 39 лет. Министр по средним и малым предприятиям, инновациям и торговле. «Вы знаете, почему вас назначили министром? Потому что вы красивая женщина и азиатка? Потому что вы наглядный пример того, как даже представитель меньшинства может преуспеть? Или, быть может, все-таки за ваши знания?» — не унимался тележурналист. Конечно, в партии социалистов интервью тут же назвали расистским. Но после объявления состава кабинета министров теми же вопросами были озабочены и многие французы. Еще большие сомнения у специалистов, для которых Флер Пеллеран — невиданная птица, вспархивающая по ступенькам Елисейского дворца на тонких шпильках и в короткой юбке.

Ким Джонг Сук родилась в Сеуле, но в возрасте шести месяцев была удочере-

на французской семьей, где и получила имя Флер Пеллеран. Говорят, что с тех пор в Южную Корею она так никогда и не возвращалась, да и сама она уверяет, что не чувствует никакой связи с родиной. В ее CV элитный набор высших учебных заведений Франции от Sciences Po до Высшей административной школы (ENA), блестящие дипломы, несколько иностранных языков, участие в президентских кампаниях: спичрайтер у Жоспена, пресс-секретарь у Руаяля и, наконец, руководитель департамента информационных технологий у Олланда. Также она возглавляла известный клуб «XXI век» — организацию, выступающую за равенство возможностей для всех, независимо от цвета кожи и происхождения. Сама же она признается, что, несмотря на политическую карьеру, всегда мечтала рисовать или писать книги. Удачно сложилось у Флер Пеллеран и с замужеством. Супруг — госсотрудник, в добрых отношениях с нынешним президентом еще со времен его управления в Коррезе, а за Франсуа Олландом закрепились слава не только «нормального» президента, но и отличного друга, не забывающего своих.

Сесиль Дюфло: 37-летняя героиня скандального «дела о платье» носит не только формальные костюмы, но и джинсы — на посту министра по территориальному равенству и жилищной политике

Флер Пеллеран: 39-летняя кореянка Ким Джонг Сук, ставшая после удочерения француженкой Флер Пеллеран, сделала блистательную карьеру. Промежуточный итог — пост министра по средним и малым предприятиям, инновациям и торговле

Аурели Филиппети, 39 лет, министр культуры и коммуникаций. «Это шанс для министерства, ей небезразлична область, и к тому же она очень талантливая писательница» — именно так Аурели Филиппети представил на инаугурации экс-глава культурного ведомства Фредерик Миттеран. Будущий министр культуры выросла в семье шахтеров-иммигрантов, переехавших во Францию из Италии в поисках работы. На шахтах трудились сначала дед, потом отец, который, впрочем, вскоре заделался ярким коммунистом, ударился в профсоюзную деятельность и поднялся до руководящих постов в департаменте.

Все это происходило на глазах у увлеченной кино, театром и чтением Аурели. «Литература меня спасала», — вспоминает она. Так и повелось с детства: политика и культура в ее жизни были всегда рядом, попеременно выходя на первый план. Поступив в высшую школу, она переезжает в Париж, который для нее всегда был «синонимом джазовых и рок-концертов и архаусного кино». Прилежная учеба, диплом по классической филологии, преподавание в колледжах в парижских пригородах... Но в какой-то момент она оставляет проторен-

ную дорожку и сворачивает в политику, в партию зеленых. Однако в 2006-м с экологами было покончено, и не без скандала. Аурели Филиппети хотела выдвинуть свою кандидатуру на парламентских выборах от родного региона — руководство партии ей отказало. Она хлопнула дверью и пошла к социалистам, где в итоге добилась своего и была выбрана депутатом от Мозеля. Министерское кресло ей прочили еще пять лет назад, когда она билась за победу Сеголен Руаяль в ее предвыборном штабе, ну а когда ей доверили вопросы культуры и коммуникаций в предвыборной кампании Франсуа Олланда, стало очевидно, кому достанется Министерство культуры.

Ее литературная деятельность также напрямую связана с политикой. В библиографии Аурели Филиппети три романа. Самый крупный, «Последние дни рабочего класса», посвящен горнякам и закату металлургии в Лотарингии, благо за сюжетами ходить далеко не надо: история семьи — лучший документальный материал. Сегодня, когда социалистическая победа одержана, она гордится своим происхождением и намерена нести культуру рабочего класса в массы. Одной из

первых своих жертв министр выбрала меценатов: «Музеи продаются предпринимателям. Когда я вижу фамилию Вендель на стенах Центра Помпиду в Меце, мне больно». Но боль эта, как судачат журналисты, все из того же детства. Дело в том, что компания Wendel, выделившая на строительство филиала Бобура €1,5 млн, до недавнего времени и на протяжении нескольких веков была крупнейшим металлургическим семейным предприятием в ее родном регионе, с деятельностью которого не понаслышке были знакомы и дед, и отец, и она сама.

Наджат Валло-Белкасем, 34 года, министр по правам женщин и пресс-секретарь правительства. Любимица Жан-Марка Эро и «голос» Франсуа Олланда как в период избирательной кампании, так и сейчас. Наджат Валло-Белкасем еще один пример того, как можно преуспеть во Франции. Она родилась в марокканской деревне в многодетной семье. В возрасте пяти лет вместе с матерью и одной из сестер они перебрались к отцу, который уехал на заработки во Францию. Жили среди иммигрантов, в нищете. Пока отец вкалывал на стройке,

мать с детьми обивала пороги в очередях за социальной помощью. Дома никогда не говорили о политике, разве что родители раздражались бранью, если из телевизора иммигрантов проклинал Жан-Мари Ле Пен. Право голосовать они получили лишь несколько лет назад, но «new face of France», как Наджат Валло-Белкасем назвала британская газета The Guardian, говорит, что о детстве сохранила лишь добрые воспоминания и что ее политическую деятельность не надо рассматривать как социальный реванш. Но все же в политику ее привел Ле Пен. В 2002 году Франция была в шаге от того, чтобы отдаться в руки крайне правых. И тут 24-летняя девушка вступает в Партию социалистов и делает свою карьеру на посту помощницы мэра Лиона. Блестяще проявляет себя в ходе президентской кампании 2007 года рядом с Руаяль, автоматически принимает эстафету на посту спикера в штабе Олланда и в итоге выходит в дамки.

«Даже сегодня в нашем обществе молодую женщину с темной кожей, открывающую вам дверь, непременно примут за служанку» — с этим стереотипом, который коснулся ее не раз, и намерена бороться

Ямина Бенгиги, 55-летняя кинорежиссер-документалист, светская дама, называющая себя «разрушительницей тишины», получила портфель министра по делам франкофонии

Наджат Валло-Белкасем: 34-летняя уроженка бедной марокканской деревни, «голос» Франсуа Олланда отвечает за права женщин. Журнал ELLE окрестил молодого министра «улыбающимся и неутомимым бульдозером»

Наджат Валло-Белкасем. Министр по правам женщин не раз выступала в поддержку однополых браков и усыновления однополными парами детей. Но все-таки главная ее задача на министерском посту — принятие нового закона о сексуальных домогательствах, чтобы таким, как ее бывший товарищ по соцпартии Доминик Стросс-Кан, неповадно было. И едва ли что-то может остановить этот, по определению французского Elle, «улыбающийся и неутомимый бульдозер».

Ямина Бенгиги, 55 лет. Министр по делам франкофонии. Кинорежиссер, документалист, ведущая на телевидении и ниспровергательница расизма — ее гротескный образ совсем не вписывается в прилежный министерский портрет умницы и красавицы. Глубокое декольте, высокий каблук, строптивый начес, губы в пышности не уступают груди, а из-под квадратных черных очков выстреливают не менее черные стрелки. Она любит моду, роскошь, дружит с богатыми правыми и мечтает о квартире на верхнем этаже Эйфелевой башни. В командировках Ямина Бенгиги требует присутствия личного парикмахера, а свой первый официальный визит на министерской должности она совершила не в какой-нибудь иммигрантский бунту-

ющий пригород, а на Каннский фестиваль и провела две ночи в отеле «Мартинез». Сдали кинобогиню свои же. Фотограф левой Liberation запустил твитт: «Смотрите, Ямина Бенгиги работает на террасе „Мартинеза“...» В Париже хваталась за голову, звонили в Канны, заявляли, что Бенгиги платит сама и вообще находится там с частным визитом. Но в конце концов у «нормального» президента должен быть хотя бы один непохожий на него министр.

Несмотря на все правые повадки, она социалист до мозга костей. Дочь алжирского иммигранта, все пережитое во Франции она сняла в своих фильмах, которые без прикрас рассказывают о дискриминации и жизни за кольцевой дорогой Парижа. Формально в политике новичок, но убеждена, что ее политическое оружие — это кино и им она овладела получше любого кадрового чиновника. Ее документальный фильм «Память иммигранта» в 1997 году стал хитом во Франции, а телепроект «Аиша» собирал на втором канале рекордную аудиторию. Сама себя называет «разрушительницей тишины и прародительницей памяти» и уверена, что при принятии на работу, «исходя из равных компетенций, преимущество должно быть на стороне арабов, потому что им сложнее устроиться в жизни».

реклама. Фаби Кутюр

fabishoes.it

интернет-магазин: fabiboutique.com

информационный центр: (495) 543 3210

Æ
FABI
Couture

ТВЕРСКАЯ 6 (495) 692 9014 ГУМ (495) 620 3216 ТРК VEGAS (495) 983 0597 АТРИУМ (495) 970 1167 "ЕВРОПЕЙСКИЙ" ТРЦ (495) 229 1906 КРОКУС СИТИ МОЛЛ (495) 727 2470 ТРЦ АФИМОЛЛ Сити (495) 921 1548

Звездная репутация

Выставка Stars en Dior в Гранвилле

Алексей Тарханов |

МАРЛЕН ДИТРИХ БЫЛА ОДНОЙ ИЗ САМЫХ ПРЕДАНЫХ ДИОРУ КЛИЕНТОК. ЕЕ ВЕЩИ МУЗЕЙ ДИОРА ПОЛУЧИЛ ОТ БЕРЛИНСКОЙ СИНЕМАТЕКИ

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ВЫСТАВКИ — КОСТЮМЫ ДИОРА, СДЕЛАННЫЕ ДЛЯ КИНО

СВОЮ первую коллекцию Dior на июльском дефиле представил новый художественный директор марки Раф Симонс. Показа мы ждали с нетерпением и были вознаграждены. Потому что к огромной радости и даже к облегчению собравшихся Раф Симонс показал «настоящий Dior». Так сказали все. Но откуда мы знаем, какой Dior настоящий, а какой выдуманный? Мы же не все поголовно историки моды, которые пишут монографии о силуэтах послевоенного кутюра и наизусть знают модели со знаменитого показа New Look 12 февраля 1947-го.

Но я понимаю теперь, откуда нам известно, что такое настоящий Dior, даже тем, кто ни разу не побывал на его показах. Потому что мы столько раз видели его в кино! Мало какой из стилей был так кинематографичен, мало какой привлекал такое количество режиссеров, костюмеров, а главное — великих актрис. Dior носили и носят все — от далекой Марлен Дитрих до близкой Марион Котийар. Прочитав на-

утро рецензии на дефиле Рафа Симонса, я понял, почему и зачем этим летом во Франции была устроена замечательная выставка с не требующим перевода названием Stars en Dior.

Ее показывали не в Париже, а у океана, в доме, где родился Кристиан Диор. Принадлежавшая его отцу вилла «Румбы» и окружающий виллу английский парк, который придумала, распланировала и вырастила его мать, давно стали музеем Диора и главной достопримечательностью маленького городка Гранвилля. Но это была выставка совсем не краеведческого уровня, а вполне достойная любого из главных художественных музеев мира. Она была отлично подобрана и еще лучше показана.

Что такое музей моды? Старые фотографии и старые платья, услада моли. Непонятно, как оживить эти вещи, которые были когда-то объектом страстного желания. Кому теперь объяснишь, что за них отдавали состояния, из-за них ссорились лучшие подруги, из-за них начинались ро-

маны с чужими мужьями и ссоры с мужьями собственными. Создатели Stars en Dior с этим вполне справились. Они начали с главной фотографии, на которой Кристиан Диор стоит рядом с Ритой Хейворт и они смотрят друг на друга с радостью и изумлением, как любовники, только что пережившие оргазм. Американская актриса, звезда 1950-х открыла диоровский стиль сразу после знаменитого дефиле 1947 года. Она заехала с собой в Америку как новость о том, что в Париже появился новый гений. На белом манекене — одно из этих платьев, не из тех, с широкой юбкой, которые представляли женщину цветком, но с узким силуэтом, так называемый стебель, затягивающий в струнку тело красавицы.

Вокруг по стенам — портреты других актрис, которые взрывают ее к Диору и бросились на охоту за новыми моделями. Здесь все-все-все. Софи Лорен, Грейс Келли, Оливия де Хевиленд, Брижит Бардо, Мэрилин Монро. У нее самая грустная фо-

тография — та самая, где она сидит к нам обнаженной спиной. Это кадр из последней фотосессии, которую сделал перед ее смертью Берт Штерн в 1962 году. Она позировала голый, а потом он попросил ее надеть что-нибудь, и она накинула свое черное прощальное платье Dior.

С этого момента все вокруг начинает восприниматься совсем не по-музейному. Нелегко уместить столько информации и столько реальных вещей в коробку частного дома, но дизайнеры выставки сделали это просто замечательно, выстроив в комнатах настоящие кинематографические мизансцены с манекенами, несущими костюмы, и с кинематографическими кадрами, идущими на их фоне. Манекены в данном случае — только форма тела, самое любопытное, что все истории разыгрываются платьями. Платья живут, двигаются, смотрят на нас — и ты понимаешь, что когда-то женщины заказывали их Диору, чтобы тот выразил в этих платьях их душу, их темперамент и характер. И теперь, через много лет после их смерти, эта

«NO DIOR, NO DIETRICH!» — заявила перед съемками «Страха сцены» Марлен Дитрих. Сам Хичкок был вынужден отступить перед величием месье Диора

МАНЕКЕНЫ В ДАННОМ СЛУЧАЕ — ТОЛЬКО ФОРМА ТЕЛА, ВСЕ ИСТОРИИ РАЗЫГРЫВАЮТСЯ ИМЕННО ПЛАТЬЯМИ

РИТА ХЕЙВОРТ и Кристиан Диор познакомились на первом дефиле в 1847 году: американская актриса увезла с парижского показа 11 платьев

душа сохранилась. Не в виде туманного облачка, ни даже в плоских движущихся картинках из фильмов, а в этих произведениях искусства, шедеврах кроя, обнимавших Грейс Келли или Мэрилин Монро.

— Вот это Грейс Келли, — говорит мне куратор выставки Флоранс Мюллер (она привозила выставку Dior в Пушкинский музей), — то есть, простите, ее светлейшее высочество, княгиня Грейс Монакская. Видите, крой как раз свободный: в тот момент она была беременна Каролиной. А вот там, на стуле, сидит Марлен Дитрих, а на экране — кадры, где она выбирает платья в ателье Диора, закинув ногу на ногу, сидя ровно на таких же стульях, и стряхивает пепел сигареты ровно в такую же вот пепельницу.

Марлен Дитрих — одна из самых верных клиенток Диора. Как и Рита Хейворд, она присутствовала на первом показе New Look и влюбилась в молодую марку и в гений Диора. Он одевал ее так, как она мечтала, — именно его стиль оказался ее стилем после стольких лет поисков и ошибок. Дитрих бы-

ла ему искренне благодарна и отплатила, как она это умела делать, по-царски. Не только многолетней дружбой, но и тем, что она заставила всех смотреть на его работы. Когда Альфред Хичкок уговаривал ее сыграть в «Страхе сцены», она согласилась с одним главным условием: в фильме ее будет одевать только Диор. «No Dior, no Dietrich!» — такова была ее формула.

«Наряды были так совершенны, так ей шли, как будто бы она не снималась в фильме, а позировала для Vogue», — писала ее дочь Мария Рива, далеко не всегда ее одобрявшая. Про Дитрих — большая витрина на первом этаже, где показано сразу несколько диоровских платьев Марлен, ее знаменитая, приводившая в восторг любителей, мужская пижама, ее перчатки, чулки, белье. Все с маркой Dior: в то время дивы не боялись total look, наоборот — волшебная надпись обещала, что все всегда подойдет ко всему.

Пользуясь этим, Дитрих даже нарушала установленную ее другом гармонию,

надевая верх от одного наряда и низ от другого. Вещи Дитрих музей Диора получил напрокат от Берлинской синематеки — начиная от чехоланов, кончая чулками, поясом и лифчиком. Говорят, представители синематеки были очень обеспокоены, в верном ли контексте будет подан лифчик Марлен Дитрих и не станет ли он поживой для бульварной прессы. Поэтому он целомудренно помещен в выдвинутый ящик комода.

У выставки три части. Первая — это актрисы, верные друзья и заказчицы, гордо проносящие по жизни костюмы и платья любимого мастера. Вторая — это костюмы для кино. И, наконец, третья — костюмы для красной дорожки оscarовских и каннских церемоний. Мало кто знает, что до того, как Диор открыл в Париже свое ателье, он был художником по костюмам, сделавшим восемь фильмов. С тех пор он точно знал, как сможет сыграть в кино любая его вещь. Эту кинематографическую историю продолжили его преемники. В

общей сложности костюмы Dior появлялись на экране в сотне лент. В том числе в десяти рекламных короткометражках, над которыми в последние годы работали исключительно большие режиссеры: Ридли Скотт, Вонг Карвай, Дэвид Линч, София Коппола и Жан-Жак Анно.

В платьях Dior выходили на красную дорожку актрисы всех времен кинематографа. Пусть костюмы им уже шили новые модельеры Дома — Ив Сен-Лоран, Марк Боан, Жанфранко Ферре или Джон Гальяно. В витрине на третьем этаже выстроились платья разных годов и разных церемоний, предназначенные для Элизабет Тейлор, Настасьи Кински, Изабель Аджани или Пенелопы Крус. Есть здесь и замечательная подборка семи костюмов, которые сделал в честь главных диоровских кинозвезд Джон Гальяно. Одно из платьев так и называется — «Рита» в честь Риты Хейворд. Так закольцовывается история взаимоотношений Диора с кино и с его звездами. Хорошо, что марка эту историю не забывает.

Успеть на выход

Тенденции осень-зима 2012/13

Марина Прохорова |

ГОВОРИТЬ О ВЕЧЕРНИХ ПЛАТЬЯХ

необходимо: именно они подготавливают к моде ближайшего будущего

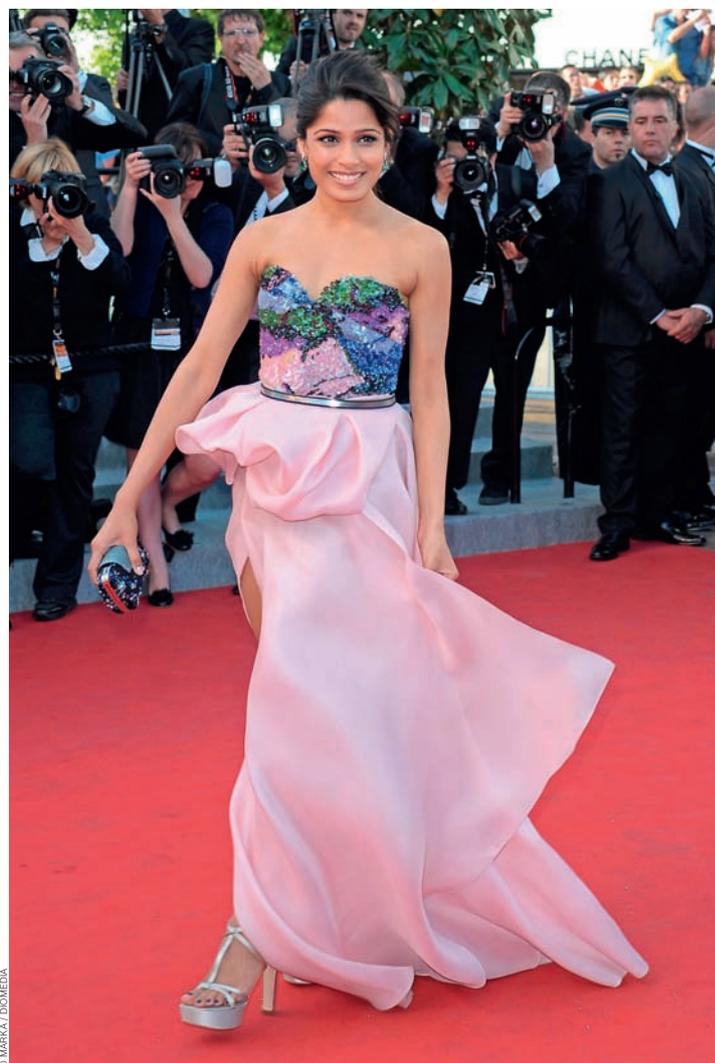
ВСПОМИНАТЬ дела давно минувших красных ковровых дорожек в начале нового сезона на первый взгляд странно. Каннский фестиваль отгремел в мае, а времени до очередной оscarовской церемонии остается меньше, чем уже прошло после предыдущей. Во время самих церемоний, разумеется, всех интересует именно эффектность вечерних туалетов: их красота, и то, насколько эти наряды украшают звезд кинематографа. Но на самом деле все эти блистательные одеяния подготавливают нас к моде ближайшего будущего.

Понятно, что создание моды не является делом одного дня. Но все-таки и коллекции haute couture, и коллекции pret-a-porter ближайшей осени к началу этих киноторжеств уже готовы. Про проходящий в мае Каннский фестиваль и говорить не приходится, но и церемония Американской киноакадемии традиционно проходит ближе к концу модных недель, когда все дизайнерские коллекции полностью продуманы и сформированы. И, конечно, для знаменитостей мирового уровня модные марки создают самые запоминающиеся наряды родом из ближайшего будущего.

Вечерняя мода имеет свои правила, и поэтому прежде всего платья на подобных церемониях демонстрируют нам, как должна выглядеть нарядная одежда. На церемонии вручения «Оскара», длящейся всего один вечер, правила особенно строгие. Во время Каннского фестиваля торжественных проходов по красным ковровым дорожкам несколько: ими предваряются все премьеры. И поэтому дам, позирующих на этих коврах, больше, и к их выбору организаторы относятся менее строго: Европа, Франция, либертарианские традиции как-

Диана Крюгер в платье Christian Dior Couture: Канн, 2012

Фрида Пинто в платье Michael Angel: Канн, 2012

Беренис Бежо в платье Prada: Канн, 2012

Мишель Уильямс в платье Louis Vuitton: «Оскар», 2012

Натали Портман в винтажном платье Dior: «Оскар», 2012

Николь Кидман в платье Lanvin: Канн, 2012

Эмма Стоун в платье Giambattista Vali Haute Couture: «Оскар», 2012

никак. Так что в Канне нарушительницы дресс-кода в недостаточно торжественных коктейльных нарядах или скандальных фрикковских платьях все же встречаются. Но дивы, умеющие выбрать запоминающийся и при этом не выходящий за строгие рамки дресс-кода наряд, безусловно, интереснее. Хотя бы потому, что они умеют создать красивую, уникальную комбинацию, играя по очень строгим правилам.

Про верхнюю теплую одежду по фотографиям с красных дорожек сказать нам решительно нечего. Как и про одежду повседневную. Благодаря строжайшему дресс-коду практически исключены уверенно вошедшие в женский нарядный гардероб вечерние смокинги, а также любые брючные костюмы. Про модные пропорции юбок, если только это не юбки в пол, говорить тоже не приходится.

Меха из гуманистических соображений и во избежание скандалов с защитниками животных тоже теперь исключены. Но зато перья допускаются, и они пушистые. Так что платья с перьями довольно успешно демонстрируют нам, как будет выглядеть самая модная меховая отделка будущей осени и зимы. И на оscarовской церемонии, и во время Каннского фестиваля мы видели, что перья располагаются на юбке либо корсаже крупными геометрическими блоками. Чаще всего на нижней части подола юбки и шлейфе. И если не принимать во внимание длину, именно такая меховая отделка — в виде окантовки и крупных блоков — будет в моде в наступившем сезоне.

Очень важный тренд наступившего сезона — всевозможные баски, панье и кринолины. То есть детали и особенности кроя, позволяющие зрительно расширить

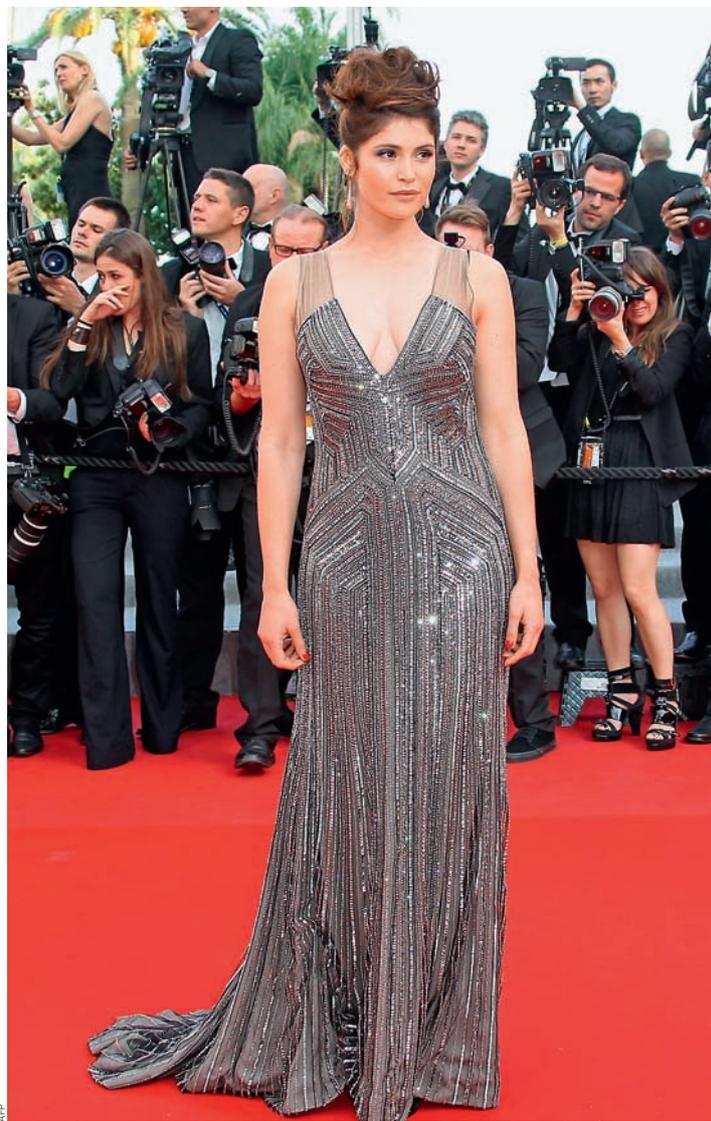
**КАК БУДТО СПЕЦИАЛЬНО
ДЛЯ КРАСНЫХ ДОРОЖЕК** оказался
в тренде металлический блеск. Цвета
старого золота и бронзы, свинца и стали,
даже синие и темно-красные оттенки
прогретого титана

линию бедер и благодаря этому подчеркнуть тонкую талию. На прошедших ковровых дорожках были представлены все их виды. Баски скромные, то есть короткие и разрезные. Баски удлиненные и пышные, заложенные сборками. Внутренние панье, создающие дополнительный объем на довольно узких юбках. Откровенные пышные кринолины — и довольно мягкие, напоминающие о моде new look, и подчеркнуто раздутые, как в XVIII веке.

Как будто специально для красных дорожек в этом сезоне оказался в тренде металлический блеск. Жесткая топорщащаяся парча и тонкое, прекрасно драпирующееся ламе нынешней осенью не используются разве что для традиционных офисных костюмов. А для вечерних нарядов они настолько естественны и уместны, что даже не сразу воспринимаются как остро модный тренд. Но тем не менее дело обстоит именно так. В моде не более привычная сплошная вышивка пайетками, бисером и стразами, а сверкающие ткани. Причем одинаково актуальны все виды металлического блеска: цвета старого золота и бронзы, свинца и стали, даже синие и темно-красные оттенки прогретого титана.

Подходит для вечерних нарядов и очень актуальный в этом сезоне бархат. Разумеется, бархат лоснящийся, шелковый. И это тоже новость: в последние десятилетия большие вечерние туалеты шились из тонкого шелка, а панбархат был скорее тканью для более сдержанных по фасонам и менее торжественных по предназначению коктейльных платьев и костюмов.

Еще один важный тренд сезона, как нельзя лучше подходящий для нарядов кинематографических див, — золотые тяжелые и

Джемма Арлетон в платье GUCCI: Канн, 2012

Николь Кидман в платье RALPH LAUREN: Канн, 2012

Тильда Суинтон в платье HAIDER ASKEMANN: Канн, 2012

КАМЕРОН ДИАС В ПЛАТЬЕ GUCCI PREMIERE: «ОСКАР», 2012

ШЕЙЛИН ВУДЛИ В ПЛАТЬЕ VALENTINO HAUTE COUTURE: «ОСКАР», 2012

ГВИНЕТ ПЭЛТРОУ В ПЛАТЬЕ TOM FORD: «ОСКАР», 2012

МИЛЛА ЙОВОВИЧ В ПЛАТЬЕ ELIE SAAB: «ОСКАР», 2012

многодельные вышивки, напоминающие о королевских и придворных платьях начала XVII века, времени британской королевы Елизаветы и французской королевы Марго. Не менее удачно золотые вышивки смотрятся на псевдонациональных нарядах в индийском или китайском стиле. Геометрический или лиственный рельефный орнамент может покрывать все платье, а может быть использован исключительно для подчеркивания его деталей. Такая золотая тяжелая, обильная вышивка не просто украшает, а подчеркивает стройный силуэт, выделяя плавную линию талии и создавая акцент на плечах, груди или бедрах.

Очень важный тренд сезона — готические и рокерские наряды. В том числе балльные платья. Драпировка и вышивка должны быть умеренными, а вот бархат и металлический блеск тканей всячески приветствуются. Разумеется, главный цвет таких нарядов черный, в том числе отливающий металлом. Но не менее бескомпромиссный ярко-белый цвет тоже оказывается вполне готичен. Как и асимметричные детали — односторонние баски, косо срезанные юбки, драпировки через одно плечо.

Очень интересно то, как в вечерней моде выглядит крайне важный для нынешнего сезона стиль милитари. И, конечно, здесь не может быть даже намека на тренчи и френчи. Вечерние наряды в военном стиле, прежде всего парадные. Лифы, напоминающие доспехи, жесткие многослойные баски, эполеты, аксельбанты и сверкающие, каклаты, ткани позволяют выдержать балльно-военный стиль самым блестящим образом.

В этом сезоне моден и стиль античной богини. Греческие туники с динамичной

ЛАНА ДЕЛЬ РЕЙ В ПЛАТЬЕ ALBERTA FERRETTI: КАННЫ, 2012

РОУЗ БИРН В ПЛАТЬЕ VIVIENNE WESTWOOD: «ОСКАР», 2012

МЕЛАНИ ГРИФФИТ В ПЛАТЬЕ YVES SAINT LAURENT: «ОСКАР», 2012

АННА ФЭРИС В ПЛАТЬЕ DIANE VON FURSTENBERG: «ОСКАР», 2012

асимметричной драпировкой, слегка намекающей на униформу лучниц-амазонок, будут очень кстати.

Важный модный тренд — черно-белые вечерние платья. Исторически сложилось так, что черно-белая цветовая гамма в вечерней моде давно отдана мужчинам. Но женские смокинги тоже очень модны, однако, как мы уже сказали выше, вечерний дресс-код их не подразумевает. Гендерная справедливость восстанавливается именно благодаря самым разнообразным черно-белым платьям — обязательно строгим, с геометрическим рисунком либо сшитым из блоков черной и белой ткани.

Одна из самых устойчивых тенденций в моде последних лет — это подчеркнутая скромность, сдержанность и закрытость. И надо сказать, во всем, что касается выхода на красную дорожку, это пока еще беспроигрышный вариант, позволяющий выделиться на фоне откровенной вечерней роскоши. Такие вечерние платья есть во множестве дизайнерских коллекций. Они отличаются от дневных нарядов только длиной. В ассортименте — платья-рубашки и платья-футляры, закрытые платья в стиле дневного new look.

И, наконец, в вечернюю моду окончательно вошли винтажные платья. Правда, суровые голливудские правила требуют, чтобы это были платья из старых коллекций больших модных домов. А французские дивы вполне позволяют себе перешитые по фигуре вечерние платья по маме и прекрасно выглядят. Это и есть единственное винтажное правило: старинные наряды должны идеально сидеть и не менее идеально соответствовать вашему нраву.

Марлен Дитрих

«Страх сцены»
Классические по виду и еще недавно сочетавшиеся исключительно с формальными костюмами портфели, папки и даже жесткие кейсы-дипломаты теперь с успехом носят с откровенно casualной одеждой. В этом и заключается стиль — айпад и бумажник нужны всегда, а подобные деловые портфели для них приспособлены прекрасно. Стилистика любая — актуальны и дорогие, сшитые из экзотической кожи, и подчеркнуто скромные, потертые портфели. Точно так же мода на небрежность и легкую стилистическую неправильность делает равно модными и футуристические формы портфелей, и псевдовинтажные.

ДУБЛЕНКА
JIL SANDER

РУБАШКА
TOM FORD

ПОДВЕСКА
AKILLIS

ЧАСЫ IWC

КЕПИ
ERMANNO SCERVINO

КУРТКА
RALPH LAUREN

БРЮКИ
RALPH LAUREN

ШУБА
GIORGIO ARMANI

ДЖИНСЫ
ICEBERG

ПЛАТЬЕ
BARBARA BUI

СУМКА
GUCCI

СУМКА
BALENCIAGA

РЕМЕНЬ
YVES SAINT LAURENT

Келли Макгиллис

DIOMEIDA/PHOTONSTOP

«Лучший стрелок»
Пилотская кожаная куртка с многочисленными нашивками, тяжелые ботинки, белая майка, джинсы: суровый женский образ, созданный Келли Макгиллис, стал в 1980-е одним из самых заметных. Белокурой красоткой, легко управляющая тяжелым военным самолетом, оказалась достойной боевой подружкой юным Тому Крузу и Вэлу Килмеру. Позднее дважды состоявшая в браке, мать двоих детей Келли Макгиллис призналась в своей гомосексуальности, но этот ее откровенный шаг никак не повлиял на зрительскую память. А в ней Макгиллис так и осталась настоящей американской красавицей — голубоглазой, длинноногой, белокурой и чертовски соблазнительной.

БРАСЛЕТ
CARTIER

СУМКА
GUCCI

САПОГИ
ICEBERG

ЧАСЫ
HUBLOT

БОТИНКИ
JIL SANDER

ШУБА
ALBERTA FERRETTI

ПЛАТЬЕ
KENZO

ПЛАТЬЕ
ALBERTA FERRETTI

БОРОТНИК
MARNI

КОЛЬЕ
JEAN-PAUL
GAUTIER

ПЛАТЬЕ
ALBERTA FERRETTI

ПЛАТЬЕ
MOSCHINO

КОЛЬЦО
GUCCI

КЛАТЧ
ALBERTA FERRETTI

СУМКА
RALPH LAUREN

ПЛАТЬЕ
ALBERTA FERRETTI

КЛАТЧ
JIL SANDER

ОЧКИ
ALBERTA FERRETTI

ТОП
ETRO

Натали портман

ЧАСЫ
DIOR

САПОГИ
ERMANNO
SCERVINO

БРАСЛЕТ
GUCCI

ПЕРЧАТКИ
ERMANNO
SCERVINO

«Звездные войны»
Хорошо известно, что Натали Портман, сыгравшая роль Падме Амидалы в «Звездных войнах», пропустила премьеру фильма «Скрытая угроза»: молодая актриса сдавала в тот момент экзамены в университете. Но отличнице Портман не удалось избежать популярности: роль королевы планеты Набу, жены Энакина Скайуокера и матери Люка и Леи, до сих пор остается самой экзотической и, разумеется, самой костюмной в ее большом послужном списке. Между тем все без исключения костюмы для всех серий «Звездных войн» считаются настолько важными для киноистории, что им даже посвящена специальная книга Триши Биггар «Одевая Галактику: костюмы "Звездных войн"».

«Джонни Д.»
Сумрачный мужской мир довоенной Америки, мир зла (гангстеры и грабители) и мир справедливости (агенты ФБР) в картине Майкла Манна по роману Брайана Барроу дополнен опасной, как бритва, красавицей. Американка Эвелин «Билли» Фрешетт в исполнении француженки Марион Котийяр представляет в «Джонни Д.» фатальную женскую силу, силу невероятно соблазнительную, а потому куда более убедительную, чем мужское холодное оружие. Фильм был снят в 2009 году, когда на подиумы только еще «заступали» маленькие лисьи меха, твид, банты на горловинах, черное кружево, черный лак и перья. Сегодня женские костюмы в духе Америки 1930-х годов уже есть в каждом большом гардеробе.

ПАЛЬТО
TOM FORD

ШЛЯПА
ICEBERG

ШЛЯПА
GIORGIO ARMANI

ЖАКЕТ
RALPH LAUREN

ТОП
DOUCE & GABBANA

БЛУЗКА
GIORGIO ARMANI

КЛАТЧ
ALBERTA FERRETTI

ПЛАТЬЕ
ALBERTA FERRETTI

ПЛАТЬЕ
PAUL SMITH

Марион Котийяр

БРАСЛЕТ
WILFREDO ROSADO

КУРТКА
GUCCI

ЧАСЫ
PIAGET

ПОДВЕСКА НА ЦЕПОЧКЕ
ERMANNO SCERVINO

СУМКА
LANVIN

СУМКА
YVES SAINT LAURENT

ТУФЛИ
PRADA

ТУФЛИ
JIL SANDER

Одри Хепберн

«Моя прекрасная леди»
 За оформление музыкальной комедии Джорджа Кьюкора «Моя прекрасная леди», снятой в 1964 году по мотивам пьесы Бернарда Шоу и мюзикла Фредерика Лоу, Сесил Битон получил заслуженного «Оскара». Платья исполнительницы роли Элизы Дулитл Одри Хепберн много раз принимали участие как в кинематографических выставках, так и в специализированных модных экспозициях. Костюмный стиль, выбранный Битоном, намеренно, немного душно театрален: банты, огромные шляпы, отделка, сложный крой, отсылающий к платьям эдвардианской эпохи. Середина 1960-х годов — это время наступления уличной моды, однако публика сумела оценить прелесть архаичности одежды «эпохи настоящих леди и джентльменов».

Фонтанный дом Chanel и коллекция Croisière в Версале

Алексей Тарханов |

КАРЛ ЛАГЕРФЕЛЬД
БУДТО БЫ
ПЕРЕДРАЗНИВАЕТ
САМ СЕБЯ —
ИСТОРИКА, ЛЮБИТЕЛЯ
КОРОЛЕВСКОГО ВЕРСАЛЯ

ВЕРСАЛЬ — дворец заходящего солнца. Символ смерти королевской Франции, он оживает при косом свете, дорисовывая тенями линии обстриженных по линейке кустарников. Солнце отражается в фонтанах, похожих на свисающие вверх ювелирные гирлянды. Парк огромен, но искусством и хитростью королевского мастера Ленотра чередуют открытые бассейны, партеры и лужайки с тщательно спрятанными анфиладами зеленых комнат под жарким небом.

Одна из этих комнат, точнее, парадных залов называется боскетом Трех фонтанов. Боскет недавно открыли после реставрации, и Карл Лагерфельд сделал его обрамлением для новой круизной коллекции-2012/13. Он распределил действие на трех поднимающихся вверх площадках с фонтанами. Манекенщицы выходили на нижнюю площадку, торжественно поднимались на вторую и на минуту застыли на фоне зеленой стены третьей. Потом обходили круг почета мимо фонтанов под направленными на них с двух сторон аппаратами и телефонами гостей.

За гостями следили не менее внимательно. Выкажут ли они приличествующий случаю патриотизм? Наденет ли Ванесса Паради платье из Cruise Antibes Collection и туфли Chanel? А что за очки у Тильды Суинтон — неужели и у нее Chanel? И что за клатч в руках у Каролин Сибер? Догадайтесь стрех раз.

Почетных гостей высадили по струнке по сторонам боскета в 16 шатрах, сделанных в чуть шутиливом барочном стиле, как будто бы нарисованных Николаем Акимовым для «Золушки». Это на случай дождя, который был более чем возможен и даже прошел накануне. Но в этот вечер солнце не подвело королевский Версаль.

То же шутиливое барокко-рококо торжествовало и в коллекции, которую представил в этот день Лагерфельд после недели тренировок. Великому Карлу, как он сам утверждает, молодая, 74 года. С 1983-го он работает на Chanel. Мне страшно представить, как в течение стольких лет можно

оставаться выразителем духа одной великой марки и при этом не повториться и не потерять азарта. Для художника это удивительное стилистическое упражнение. Как можно придумать тему, которая должна поразить новизной, и в то же время сделать так, чтобы это была не великолепная новая молодая марка, а именно Chanel? Как можно заставить 66 девушек вынести на себе к публике эту тему, ни разу не повторившись и не заставив никого скучать? Наверное, модные обозреватели к этому привыкли и считают это само собой разумеющимся, но свежего зрителя это невероятное разнообразие в строгих стилистических рамках просто поражает.

Лагерфельд не зря выбрал Версаль для новой Croisière. Это очень культурная, очень историческая коллекция, полная отсылок к традиции костюма XIX века и в то же время очень молодая, энергичная и даже хулиганская, отнюдь не выглядящая нафталиновым подбором музейных вещей. В чем-то она напоминает мирикусническую театральную фантазию, в чем-то — стиль «Ромео и Джульетты», поставленной не Дзеффирелли, а Базом Лурманом.

Эта историческая мода вывернута наизнанку, чего стоит одна идея нижних юбок и корсетов, превращенных в верхнюю одежду (точно так же, как в планировке Версаля менялись местами интерьер и экстерьер). Королевское белье, выставленное напоказ, приобретает черты парадного платья. Стиль форменной придворной одежды подан в совершенно современных материалах, где голубой деним с золотой вышивкой изображает бархат парадного мундира.

Разумеется, все носят парики, но не припудренные локоны, а короткие стрижки,

от голубых до светло-соломенных и ярко-рыжих. На юных лицах — румяна и белила, а на щеках — декоративные мушки в виде логотипа Chanel — двух скрещенных «С». Поди догадайся, что означает этот поставленный на девушек копирайт: присвоение их красоты или, напротив, дарование им почетного знака.

В память о несчастной Марии-Антуанетте — высокие платочки-воротники или колье, отделяющие голову от туловища, и даже металлический нагрудник, тяжелый на вид, как нож гильотины.

Открытые лифы, заставляющие пожалеть лишь о том, что манекенщицы не так богаты в груди, как придворные дамы Людовика XVI. Парадоксальное сочетание торжественного высокого воротника, целомудренно закрытого верха и короткой юбки, в которую превращены шорты с надставленными у бедер крыльями на манер галифе.

Плетеная оторочка, похожая на шитье гусарского доломана, и такая же шнуровка, напоминающая лампасы на узких брюках. А вот и сам мундир, с погончиками и форменными пуговицами, распахнутый на голой груди. Большие воротники, пышные плечи, широкие лацканы.

Брючные костюмы пастельных расцветок Chanel с узкой вздернутой талией и нарочито широкими штанинами. Игра с деталями спортивного костюма (в котором у нас принято выходить в свет): кроссовки на толстой платформе или туфли на высоком, но прозрачном каблуке.

Огромные кружевные манжеты выше запястья — в одном случае, перчатки, обрешенные на пальцах, — в другом. Шляпы с необъятными полями, которые приходит-

ся, чтобы не нарушать строя, нести в руках. Большие браслеты с бижутерией и огромные броши. Карманы на груди и рельефные полоски, напоминающие газыри на черкеске. Пышно расшитые пиджаки и к ним — белые брюки до колен, превращенные в лосины.

Все это настолько неожиданно и остро, как будто бы Лагерфельд передразнивает сам себя — историка, любителя, фотографа королевского Версаля, который он рад хотя бы на эти три четверти часа заполнить тенями своей фантазии.

Самое ужасное для старой марки — выглядеть неизвестно откуда взявшейся провинциалкой без роду-племени или древней аристократкой, выжившей из ума. Chanel рассчитана на все возрасты, но все марки — и она не исключение — нуждаются сейчас в молодежи. Маркам нужно молодое тело и молодая кровь — и в лицах, и в нарядах.

Карл Лагерфельд замечателен тем, что он жадно ищет молодости. Он любит окружать себя счастливой юностью, он знает очень многое, но он снисходителен: в его глазах молодость сама по себе искупает все, она сама по себе заслуга. Наверное, он понимает, что многое из того, что он любит, умрет с ним и больше никогда никого не заинтересует, но не делает из этого драмы. Он бескорыстно ценит молодых красавиц, которыми всегда окружен. Уже третье, а то и четвертое их поколение сменяется вокруг него, а он, как ни стар, совершенно не меняется, выбрав свой образ, который не выходит из моды. Откуда иначе то ощущение молодости и сексуальности нынешней коллекции, которое не вызовешь никакой стилистической виагрой?

Старый, матерый Лагерфельд умеет бросаться определениями полусутистыми, полуснайперскими. Как азартный энциклопедист и счастливый владелец 300 тыс. томов, он сыграл с определением «рококо», назвав свой нынешний стиль показа «Коко-рок». Гораздо лучше, чем журналисты, наутро оперировавшие понятием «монархический рэп». Если есть еще в Версале король, то это, несомненно, он.

Искусство на показ

Salvatore Ferragamo впервые выступил в Лувре

Алексей Тарханов |

АРКАДА КРЫЛА
ДЕНОН В ЛУВРЕ:
КОЛОННА
МАНЕКЕНЩИЦ
ПОКАЗАЛА
РАЗНООБРАЗИЕ
МОДЕЛЕЙ В РАМКАХ
ЕДИНОГО СТИЛЯ
SALVATORE
FERRAGAMO

этом ему не было равных, и он никогда не заставлял своих клиенток мучиться во имя красоты. За моду в широком смысле марка взялась уже при его потомках, в 1970-х, зато с тех пор имеет возможность одевать своих клиентов с ног до головы — она производит и одежду, и обувь, и аксессуары.

Конечно, в Stage важна авторская трактовка кожи, шитья, демонстрация ремесленных достижений итальянцев, но колонна манекенщиц, прошедшая под колоннами Лувра, показала и потрясающее разнообразие моделей коллекции, и открытую возможность их комбинировать. Массимилиано Джорнетти не собирается навязывать своим клиенткам единственно возможный образ — он хочет дать им право, оставаясь в границах коллекции, менять свой облик в соответствии с меняющимися желаниями. Модельер уверен, что прошло время, когда люди платили за то, чтобы быть одетыми точно так же, как другие. Непохожесть, единственность — вот принцип сегодняшней роскоши. Клиенты изменились, вчерашние «жертвы моды» стали ее соучастниками. У Джорнетти они ценят его внимание к деталям, мягкость и женственность, как в классической живописи, и отсутствие всякой агрессивности облика. «Я всем объясняю: если вы не рок-звезды, не одевайтесь как рок-звезды», — говорит он.

С 1927 года марка находится во Флоренции. Понятно, что сама жизнь в этом городе становится ежедневным уроком изящных искусств. Но для Salvatore Ferragamo важна и постоянная поддержка художников. История с выставкой Леонардо да Винчи в Лувре — один из недавних примеров. Но совсем не единственный. Семья Феррагамо уже была награждена премией Фонда Гуггенхайма (она присуждается компаниям, инвестирующим в культуру таким образом, чтобы эта культура становилась частью их генетического кода) и имеет даже собственный музей Palazzo Spini Feroni во Флоренции. Он не только рассказывает об истории марки и демонстрирует ее архив, но и организует серьезные художественные проекты.

Кроме работ Леонардо и его современников на выставке были и позднейшие вещи XX и даже XXI веков, интерпретирующие сюжет вроде «Поцелуя» Макса Эрнста 1927 года, или «Посвящения Леонардо да Винчи» Одилона Редона 1914 года, или серии «Матери» современной англичанки Дженни Сэвилл. Таким вот образом в числе произведений искусства, допущенных в Лувр по случаю возрождения «Святой Анны», оказалась и новая работа Массимилиано Джорнетти. Его вещи, которые в жизни позволяют прикоснуться к искусству. Ну, если не увидеть его в Лувре, то хотя бы ощутить его на своем собственном теле.

Массимилиано Джорнетти: красота должна быть функциональной

Я старался передать ощущение итальянского стиля, который отражает любовь к жизни, построенную вокруг красоты, гармонии и качества. Мне кажется, что нынешние клиенты гораздо более подкованы и рациональны, чем в прежние времена. Они внимательно следят за тем, какое качество они получают за свои деньги, и всегда хотят выглядеть особенными, непохожими на всех. Здесь легко броситься в крайности, но это не путь Salvatore Ferragamo. Когда я изучал наши огромные архивы, собранные в Palazzo Spini Feroni, я понял главное: для Сальваторе Феррагамо красота, не подтвержденная функцией, не существовало. Он был не фокусником, а великим дизайнером, и мы должны двигаться в этом же направлении. Красота должна быть функциональной.

В ПЕРВЫЙ раз за долгую жизнь французского королевского музея модная марка, да еще и итальянская, получила возможность протянуть свой подиум в аркаде крыла Денон. Стоит ли говорить, что это не только признание заслуг Salvatore Ferragamo, но и знак благодарности за помощь в организации одной из самых интересных выставок этого года — «Святая Анна». Последний шедевр Леонардо».

Лувр построил выставку вокруг картины Леонардо да Винчи «Святая Анна с Богоматерью и младенцем Христом». Считается, что она была написана Леонардо в Милане около 1500 года по заказу Людовика XII, который предназначал ее своей новой жене, своенравной умнице Анне Бретонской, от нее ждали наследника, а святая Анна была покровительницей беременных. Леонардо так и не выносил картину до конца, заказчик ее не дождался, художник дописывал «Анну» во Франции, после его смерти работу увезли в Италию, потом вернули обратно в королевскую коллекцию. Теперь она соседствует в Париже с другими его работами — «Мадонной в скалах», «Святым Иоанном Крестителем» и звездой Лувра «Джокондой».

Выставка была открыта по окончании многолетней и кропотливой реставрации, к которой приступили после долгих споров в 2009 году. Картина вернули исходные цвета и открыли исчезнувшие под слоем потемневшего масла фрагменты, и это возвращение оказалось таким неожиданным, что взглянуть на новую цветную «Анну»

выстраивались очереди подлиннее, чем те 124 м catwalk, которые расстелили для показа в колоннаде крыла Денон.

В день показа главный дизайнер Salvatore Ferragamo Массимилиано Джорнетти раздавал интервью и был героем прессы, что отметили все присутствовавшие модные критики. Раньше марка не так активно выдвигала вперед своего креативного директора. Но это понятно. В моде меняются поколения, и молодому Джорнетти предстоит соперничать и с пришедшим в Yves Saint Laurent Хеди Слиманом, и с пришедшим в Dior Рафом Симонсом. Уроженец Каррары, специалист по английской литературе по первому образованию и модельер — по второму и третьему, Джорнетти представил коллекцию Stage, вторую за 12 лет работы. В 2000 году он пришел в Salvatore Ferragamo, в 2004-м стал художественным директором, но только с 2010-го начал отвечать за все линии флорентийской марки.

Ее основатель Сальваторе Феррагамо, родившийся в 1898 году близ Неаполя и с 1914 года работавший в Америке, прославился прежде всего своей женской обувью, которая приходилась по ноге всем легендарным дивам эпохи. Вспоминая это, Джорнетти всегда подчеркивает: успех к Феррагамо пришел не только за счет того, что он был замечательным художником, но и потому, что он одним из первых начал изучать построение туфельки как архитектурной формы с точки зрения нагрузок, которые женская стопа несет при ходьбе. В

Французский состав

Показ Louis Vuitton в Шанхае

Екатерина Истомина |

ДЕПО, ПЕРРОН, ПАРОВОЗ: ЕВРОПА РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ ОКАЗАЛАСЬ В ЦЕНТРЕ СОВРЕМЕННОГО ШАНХАЯ

ВЫСШЕЕ руководство LVMH в лице президента группы Бернара Арно и президента дома Louis Vuitton Ива Карселя (он в конце года покинет свой пост) оказалось в числе зрителей дефиле женской коллекции Louis Vuitton осень–зима-2012/13 в Шанхае. Показ был приурочен к открытию первого в Китае магазина марки формата La Maison.

Напомним, что у французского дома Louis Vuitton сегодня существует три концепции магазинов. Первая — бутик, где можно купить только сумки, багаж, аксессуары и обувь (именно такой работает на Большой Конюшенной улице в Санкт-Петербурге). Вторая — бутик, где кроме перечисленных артикулов представлены еще ювелирные украшения, мужские и женские часы, мужские и женские сезонные коллекции (как в Столешниковом переулке в Москве). И наконец, третья — La Maison, Дом, который имеет не только торговые, но и выставочные пространства. В мире много магазинов Louis Vuitton, но, увы, совсем не так много Домов Louis Vuitton. Среди самых известных точек — Дом на Елисейских полях, дома в Лондоне, Риме и Сингапуре.

Конечно, удивительно, что в бескрайнем богатейшем Китае, где марка Louis Vuitton обозначает исторический европейский люкс, до сих пор не было Дома. Но вот теперь он есть: к его открытию в роскошном центре Plaza 66, дизайн Питера Марино) приурочили не только дефиле, но и профессионально сбитую выставку «Louis

Vuitton Express». Идеология экспозиции такова: исторический багаж Louis Vuitton в окружении объектов современного американского и китайского искусства.

Путь из Парижа в Пекин, путь из прошлого через настоящее в будущее: какой символ путешествия мог быть выбран? Диржабль, воздушный шар, велосипед или корабль — во всех жанрах и видах странствий багаж Louis Vuitton, чей основатель Луи Виттон, паковавший хрусталь и кринолины французской императрицы Евгении, традиционно невероятно хорош. В Louis Vuitton (возможно, память о великом транссибирском экспрессе, экзотическом путешествии, заложенном еще в 1904 году, но до сих пор пользующемся огромной популярностью) выбрали поезд.

В самом конце шанхайской набережной Бунд, в районе Пуши, было построено элитное депо: сверкающий огнями павильон со сценой и залом для дефиле. Перед показом гости вечеринки могли еще раз повторить основные правила упаковки багажа, изобретенные маркетологами Louis Vuitton. Сотрудники европейских домов ловко сворачивали брюки трубочкой на глазах у изумленного Бернара Арно, который несколько раз просил показать: как все-таки укладывать в багаж обувь? «В мешочек, месье», — дерзко держали ответ его подчиненные. Сын Бернара Арно, Антуан, приехавший в Шанхай без своей подруги сердца Наталии Водяновой (в те дни она находилась в

заключенном русском Крымске), показал отцу, как складывать обувь в мешочек. Трудно сказать, действительно ли великий Бернар Арно ничего не знает про упаковку Louis Vuitton, или же эта сценка была рассчитана на столь жадных до светских аттракционов китайцев.

И обещанный поезд в конце концов приехал: старый, с полированными бочками, паровоз с одним-единственным вагоном. Под громкую музыку он, утопая в белом облаке пара, выехал по рельсам в зал дефиле. Сам зал при этом представлял собой старинный железнодорожный перрон со стеклянным потолком-купол, металлическими колоннами и скамейками, на которых усадили зрителей. А саму конструкцию «паровоз-вагон» можно было датировать началом 1880-х годов, то есть временем действия романа Толстого «Анна Каренина».

Первым на перрон из вагона сошел проводник, а за ним уже стройно, дрессированной вереницей потянулись молоденькие пассажирки, одетые, конечно же, Марком Джейкобсом (он скрывался за кулисами «депо»). Каждую пассажирку сопровождал носильщик в форме, принимавший на себя всю тяжесть нового багажа Louis Vuitton. Пассажирка и ее компаньон вышагивали до центра перрона, огибали паровоз и шли обратно.

Идти было, между прочим, вовсе не легко: костюмы, изобретенные Джейкобсом, подразумевали совсем не современное путешествие. Это была игра в тревожный, с печальным сильным привкусом абсента французский модерн: дивные шляпы-колпаки, пальто с большими воротниками, туфли с изогнутыми 12-сантиметровыми каблучками, юбки колоколом. Ткани, дополненные маленькими мехами, в палитре тоже напоминали абсент: лиловый, фиолетовый, зеленый, коричневый оттенки переливались с томленным, патинированным люрексом. Тема совершенной несвободе истинной женщины в истинном костюме, столь давно, страстно и тайно культивируемая Джейкобсом, обретала патетическое звучание.

После показа публика еще долго обсуждала: старинный ли это паровоз с вагоном или специально сделанный для шоу? Состав, как и коллекцию, конечно, сделали специально. Главный багажный дом мира способен сделать даже паровоз.

Танк у себя дома

Премьера Cartier в Лондоне

Алексей Тарханов |

ДЕВИЗ НОВОЙ РЕКЛАМНОЙ КАМПАНИИ CARTIER: «NEVER STOP TANK»

TANK DE CARTIER НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕГО XX ВЕКА ВЫПУСКАЛСЯ ВО МНОГИХ ВЕРСИЯХ: ВИНТАЖНЫЙ TANK НАЧАЛА 1970-Х ГОДОВ

CARTIER, TANK ANGLAISE, 2012: КОРПУС И БРАСЛЕТ ИЗ РОЗОВОГО ЗОЛОТА С БЕЛЫМИ БРИЛЛИАНТАМИ

В ЛОНДОНЕ прошла премьера обновленной часовой линии Tank Anglaise, «английский танк», французского дома Cartier. В столице Соединенного Королевства на площади рядом с аркой Веллингтона находится множество памятников, посвященных британскому военному гению — и самых курьезных. Здесь есть памятник пушке и даже памятник пулемету. Нет здесь только памятника танку, и это на первый взгляд странно, ведь именно в Англии был придуман и разработан движущийся военный механизм, закованный в металл, как зверь-броненосец. Изобретенные англичанами танки в сентябре 1916 года прорвали оборону немцев и возвестили о конце «позиционной войны» и вообще такой войны, которую народы знали вплоть до конца XIX века.

Но надо сказать, что самый маленький и симпатичный танк Первой мировой сделали французы. В 1917-м они выпустили свой «Рено FT-17» с поворотной башней и мотором, отделенным от экипажа. Он был, конечно, самым совершенным танком своего времени, основоположником и предтечей всех будущих броневых машин и вообще грозным оружием, но когда несколько лет назад я увидел его во дворе парижского военного музея во Дворце инвалидов, я был просто удивлен. По сравнению с чудовищными нынешними «Леопардами» и «Меркавами» это типичная малолитражка, прямо-таки дамский автомобильчик. И, как и многие военные предметы прошлого, он как-то трогательно красив.

Раз мы можем восхищаться гусарскими ментиками или драгунскими шлемами армии Наполеона, почему не увидеть

красоту в старинном гусеничном «Рено». В сущности, именно так и поступил молодой французский ювелир Луи Картье. В его видении, правда, не было ностальгии — он искренне вдохновился формами грозного вестника прогресса и попытался передать свое чувство в дизайне новых часов, названных им Tank. Мы привыкли сейчас к сочетанию Tank Cartier, а представьте себе, как странно это звучало в 1919 году. Конечно, война была в моде, тем более что она завершилась победой, но не каждая женщина была полна таких нежных чувств к танку, как Луи Картье.

Великий француз меж тем последовательно разрабатывал свою идею маленьких прямоугольных наручных часов, на манер тех, которые он сделал в 1904-м по просьбе своего друга, пионера авиации Альберто Сантос-Дюмона. Считается, что это были первые мужские наручные часы современного вида. И, разумеется, эту форму тут же потребовали себе женщины. В дальнейшем Картье делал часы Tank, предназначенные и мужчинам, и женщинам, все зависело от размера, украшений и сочетаний металлического корпуса и кожаного ремешка. Точно так же, как морфология танка «Рено» стала образцом для броневой техники, Tank Cartier стал культовым предметом нашего времени. Новые часы оказались настолько удачными, что на все предстоящие десятилетия XX века оставались хитом и главной часовой линией Cartier. У него было множество вариантов. Танк в ромбическом корпусе, китайский танк, французский танк, мини-танк и американский танк. В 2002 году дизайнеры

Cartier сделали вытянутый не поперек, а вдоль запястья танк под названием Divan. Танк Картье выпускался в несчетном количестве экземпляров и украшал руки главных красавиц прошлого века — Элизабет Тейлор, Джеки Кеннеди, Катрин Денев, Симоны Синьоре. Он никогда не уходил в тень, хотя рядом с ним появлялись новые, возрожденные линии вроде массивной Santos. Но в начале нашего века вперед выдвинулась серия Ballon Bleu, ставшая для Cartier в начале XXI века тем же, чем был Tank в начале XX столетия. И тогда было решено вновь пойти в танковую атаку. Слоган был найден под стать: Never stop tank.

На Женевском салоне 2012 года главной премьерой Cartier стали новые часы линии «английский танк» — Tank Anglaise. Причем если раньше это были часы унисекс, то теперь для мужчин была предназначена «большая» модель, а женщины получили сразу три Tank. Во-первых, в золотом корпусе, украшенном по бокам бриллиантовыми полосками. Во-вторых, в корпусе, полностью отделанном бриллиантами. В-третьих, в корпусе сложной, как будто бы измененной на экране компьютера, формы (так называемый «безумный танк», или Tank folle).

И конечно, смысловым завершением и флагманской машиной отряда новых «английских танков» стала винтажная модель Tank Louis Cartier XL в сверхтонком золотом корпусе — на манер того шедевра, которым Луи Картье сумел предугадать вкусы нового времени. И мне совершенно ясно, почему на площади нет памятника танку: зачем лишний раз напоминать о том, что мы и так видим каждый день у себя на руках.

«Влезть в чужую кожу»

Дизайнер Lancel Леонелло Борги об архивах и сумках с секретами

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

ДОМ Lancel запустил две замечательные коллекции сумок, Daligramme и Brigitte Bardot, которые заставили заговорить о том, что старинная марка, основанная еще в 1876 году, обретает новое дыхание. Теперь к ним добавилась серия Angele, посвященная основательнице дома Анжель Лансель. Один из главных архитекторов перемен — дизайнер Леонелло Борги. Итальянец, художник по образованию, он уже три года занимает этот пост и обладает всеми необходимыми для этого качествами: любовью к дизайну как к формотворчеству, любовью к коже как главному своему материалу и постоянной готовностью находить верные источники вдохновения — не только в истории марки, но и в жизни вокруг.

— Daligramme стала настоящим открытием. Как появилась эта идея, откуда взялся прототип и как шла работа?

— Это произошло почти случайно. Я работал в то время над сумкой, которую мы решили сделать вместе с Брижит Бардо. И вдруг мне сообщили, что в архивах обнаружили сумку, которую Сальвадор Дали сделал для своей жены Галы. Я был потрясен. Одна велосипедная цепь вместо ремешка чего стоит! Этой сумкой мог бы гордиться самый авангардный современный дизайнер. Я не-

медленно отправился в Испанию, чтобы увидеть музей и архивы Дали и повидать их хранителей. Это были удивительные встречи, которые позволили нам лучше понять историю Дали и Галы, узнать об их тайной каллиграфии — этих буквах, которые были сплетены в узор. Фонд «Гала—Сальвадор Дали» стал нашим партнером в работе. Каждая Daligramme имеет отметку Gala—Salvador Dali Foundation, потому что она художественная ценность. Но мы не собирались просто воспроизводить эту сюрреалистическую сумку. Она была сделана по возможностям своего времени — узор был нанесен методом трафаретной печати, мы же искали нечто более ценное и долговечное. Я поехал к себе во Флоренцию, нашел там ремесленника, который выполнил для нас разные варианты кутюрной ткани, в которой есть и хлопок, и шелк. На этой ткани мы смогли воспроизвести буквы любви и дать этой любви самую долгую жизнь.

— Разве сумки живут долго?

— Наши сумки живут десятилетиями. У нас великолепные архивы, и время от времени мы покупаем антикварные вещи. Совсем недавно о нашей коллекции написали журналы, добавив, что вот Lancel покупает Lancel. И мы были удивлены, сколько людей нам звонило, сколько сумок сохранилось, в каком

МНЕ ВАЖНО ЗНАТЬ,
от каких функциональных удобств женщина решительно откажется ради красоты

отличном состоянии и как бережно с ними обращались. Сумка Lancel вполне себе семейная драгоценность. Видите, даже в семье Дали она сохранилась.

— Вы добавляете к классическим формам новую технику?

— Я считаю, что мы занимаемся прикладным искусством и должны изобретать, менять материалы, иначе мы не художники. Вот лимитированная серия из 15 сумок. Они выполнены в очень сложной и современной технике, которую изобрел для нас медицинский институт, работающий с кожей. Это инкрустация лазером, миниатюрная, кропотливая работа. А вот здесь мы воспроизвели трафаретную печать, похожую на ту, что делал Дали, но добавили золотую пудру, которую вы можете почувствовать на ощупь. Я люблю инновации в материалах, это больше всего меня захватывает.

— А как вам работалось с Брижит Бардо? С Дали все-таки проще: он не мог вами командовать.

— Ну, все-таки Дали был одним из величайших художников XX века, и я чувствовал ответственность. Что же касается Брижит Бардо, работать с ней было очень интересно. Мы встречались с ней несколько раз.

— С чего началось? Она сделала какие-нибудь наброски? Прислала вам варианты?

— Нет, она не рисует и тем более не пользуется компьютером и электронной почтой. Разве что факсом. Мы встречались, я рассказывал ей о том, что хочу сделать, сопровождал рассказы рисунками, а иногда находил вокруг нас какие-то вещи, которые лучше могли объяснить мой замысел и даже что-то подсказать. Вот эту линию я воспроизвел, например, с ее ленты для волос, а вот этот ремень — почти точная копия ремня с ее гитары. Как вы знаете, Бардо — защитник животных, поэтому сумки в ее честь — это единственная линия Lancel, в которой не используется кожа. Для нее

мы специально разработали особый итальянский хлопок.

— А если какой-нибудь клиент попросит у вас специальное издание этой линии из крокодиловой кожи?

— Боюсь, что в этом случае мы не пойдем ему навстречу. Мы не можем обмануть Брижит Бардо, потому что я хоть и работаю с кожей и обожаю этот материал, но способен понимать и уважать чужие убеждения.

— Ваша новая серия называется Angele, и она посвящена Анжель Лансель, основательнице дома Lancel в 1876 году. Вы возвращаетесь к XIX веку?

— Анжель Лансель была настоящей визионеркой. Идея ее сумки — это идея эмансипации женщины. Она создала предмет, в котором женщины могли бы носить вещи в строгом порядке и который будет главным их украшением, их гордостью. Например, она придумала Sac a malices — сумку с секретами. Это вещь, разговаривающая с тобой, имеющая душу. Хитренькая сумка с тайными карманчиками, хитрая, как умеют быть хитрыми женщины, когда не хотят выдавать всем свои секреты. И вот современная сумка в этом же духе — я придумал ее для женщины, которая любит косметику, но не любит краситься у всех на глазах: она может незаметно поднять этот маленький экран с зеркалом и, разговаривая с другим, смотреть только на себя.

— Вы неплохо знаете женщин.

— Я думаю о них всегда, когда выбираю тему. Я представляю себе женщину, которая будет носить мою сумку. Мне надо влезть в ее кожу, понять, что ей будет удобно, что — нет. Знать, от каких удобств она решительно откажется ради красоты. У Lancel есть и мужские линии, я их очень люблю, но никогда не трачу на них столько времени, сколько приходится тратить на женские. Я делаю вещи логичные для мужчин и эмоциональные для женщин.

Беседовал Алексей Тарханов

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

LANCEL DALIGRAMME, ВЕРСИЯ 2012 ГОДА: КАЖДАЯ СУМКА ЛИНИИ ИМЕЕТ ОТМЕТКУ GALA—SALVADOR DALI FOUNDATION

«Повар без супа ничего не стоит»

Алан Дюкасс о школе в Москве и о жизни в Монако

В ЭТОМ ГОДУ Алан Дюкасс, самый титулованный шеф-повар мира, отмечает 25-летие своего гастрономического ресторана Louis XV в Hotel de Paris в Монако. Сам он, впрочем, давно потерял счет открытым им заведениям: подданный князя Монако Альбера II Гримальди, похоже, подумывает о заслуженной пенсии.

— Вы приехали на годовщину вашего единственного в России ресторана в W Hotel в Петербурге. Обязательный вопрос: не хотите ли открыть ресторан в Москве?

— Да, это действительно самый распространенный вопрос, который мне задают в России. И мой ответ — нет, открывать ресторан в Москве я не хочу. Во-первых, современная Москва — это хорошо развитый с точки зрения гастрономии город. Стало быть, для Москвы нужно придумывать что-то особенное. Во-вторых, у меня есть сейчас московский проект, но это не ресторан. Я хотел бы открыть в Москве кулинарную школу. Русские сегодня уже хорошо знают кухни мира, рестораны мира, в том числе и мои. Им больше хочется готовить самим, нежели есть приготовленное, пусть и самыми знаменитыми поварами. Готовка — это ведь такой длинный и увлекательный аттракцион, цирк, трюки в своем жанре. Поэтому я полагаю, что моя кулинарная школа, если все будет хорошо и она заработает, окажется полезной в Москве.

— Второй обязательный вопрос: готовите ли вы дома?

— Нет. Только один раз в год. Под Рождество. С одной стороны, мне хватает возни на кухнях моих ресторанов. С другой — банально нет на себя никакого времени. Жизнь моя тяжела. Я постоянно в разъездах. Сегодня я в Петербурге, послезавтра — в Токио, спустя несколько дней — в Париже. Так я живу уже много лет и, положив руку на сердце, чудовищно устал от такого плотного графика. Когда я вдруг оказываюсь дома, в Монако, то лежу с книгой. Или просто сплю. Иногда хожу на рынок, обыч-

ный, фермерский рынок. Но вовсе не для того, чтобы готовить, напротив — я стараюсь покупать что-то такое, что готовить не нужно вовсе. Овощи, хлеб, сыр. Вино, конечно. Люблю артишоки.

— Какое вино вы любите?

— Я родом из Бордо и ценю вина родного мне региона. В основном я пью французские вина, но в последнее время очень популярными становятся вина Нового Света: чилийские, аргентинские. Они, кстати, неплохи, но, в отличие от великих французских вин, их надо пить за один присест.

— И все же если вы беретесь готовить, то это рыба, мясо или птица?

— Рыба, разумеется. Рыба полезней. И ее проще приготовить. Ценю дичь, с птицей у меня есть взаимопонимание.

— Как вы стали подданным семьи Гримальди? Это редчайший случай, ведь мужчина, даже если и женится на девушке из Монако, не получает подданства.

— Подданство Монако дал мне покойный Ренье III Гримальди, у нас были отличные отношения. Я люблю Лазурный берег Франции и Монако. Я никогда не спрашивал князя, почему он решил мне дать папорт, а он сам не говорил публично, но дело тут ясное: моя работа по гастрономическому прославлению Монте-Карло. Речь идет о ресторане Louis XV, который был, есть и будет главным рестораном княжества. Кстати, милости семьи Гримальди коснулись меня, но не моей жены. Ей пришлось ждать целых десять лет, чтобы получить подданство Монако.

— У вас много ресторанов, разбросанных по всему миру, которые вы инспектируете и патронируете. Можно ли говорить о том, что вы уже давно маркетолог, управленец, менеджер, а не шеф-повар?

— В этом есть определенная доля истины, ведь я не имею возможности стоять у плиты или заглядывать в ресторанные холодильники одновременно в Петербурге, в Токио, в

КУЛИНАРНАЯ ШКОЛА АЛАНА ДЮКАССА в Москве гораздо лучше, чем ресторан с моим именем

Париже и на острове Маврикий. Стало быть, я управленец, менеджер, я надсмотрщик за другими. Нынешний мир — это мир управления, менеджмента, вы правы. Но, с другой стороны, управление чем-либо — империей одежды или империей ресторанов — очень схематично. У вас в голове должна быть схема работы: мозг современного управленца — это компьютер, который должен беспрестанно выдавать схемы и планы. Если вам нечего предложить, вы ничтожество как менеджер, вы ноль, готовьте дома сами для себя, но не берите ответственность содержать и кормить других. Пустоту и персонал, и гости чувствуют сразу. Нельзя ведь годами кормить публику не едой, а мифами о еде, не супом, а собственным именем. Мое имя, мой суп и моя замечательная утка — только вместе они создают рестораны Алана Дюкасса. Ведь вкус не только в имени. Вкус в том, что у вас на столе, в вашей тарелке. Что касается магии фамилии месье Дюкасса, или, как говорят, «сходить к Дюкассу», то публика приходит ко мне за едой, за подачей, за интригой, за определенным обществом, наконец. Стали бы они ко мне ходить просто так, на меня посмотреть, я ведь не Мисс Вселенная!

— Довольны ли вы едой, подачей, интригой в петербургском ресторане?

— Да. Нам удалось главное: найти местных поставщиков, местные продукты. Это очень важно, собственно, это первоначально на кухне. Еда начинается с фермы, с рынка, с обычной земли. Если этих вводных данных нет, то весь дальнейший процесс становится бессмысленным.

Беседовала Екатерина Истомина

«Я не шью костюм из цитат»

Антонио Маррас о театре и костюме как о тени

ANTONIO MARRAS,
ОСЕНЬ-ЗИМА 2012/13

МИЛАНСКОЕ бюро Антонио Марраса напоминает заброшенную театральную сцену. И дело не только в обстановке, в декорациях, но и в персонажах, постоянно приходящих к Антонио Маррасу в бюро и уходящих от него. Этот странный офис устроен так, что деловая встреча с дизайнером Маррасом становится театральной мизансценой.

— Ателье, творческое бюро, вне сомнений, говорит многое о самом дизайнере. Есть деловые офисы, есть ультрамодные мастерские, а у вас здесь какие-то старинные подмостки.

— Это старое промышленное помещение, которое мы превратили в ателье. Здесь ничего не шьется, но зато многое придумывается. Здесь проходят встречи и переговоры. Я работаю не только здесь, на окраине Милана, но и на Сардинии, где я родился, где у меня большой дом, где живет моя семья. Моя студия на Сардинии — рядом с домом. Вокруг цветы, и в доме, и всегда много гостей. Но и в миланском ателье вся наша жизнь, весь процесс — творческий, переговорный — устроен как процесс домашний. Есть кухня, есть терраса, гостиная со старыми, потертыми диванами и манекенами, есть маленький, романтический сад, куда солнце падает не целый день, а только в определенные часы. Словом, возвышенное эгегическое запустение в деловом Милане! Делать здесь настоящий профессиональный ремонт? Я посчитал это делом

ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

Я МЕЧТАЛ РАБОТАТЬ С ПИНОЙ БАУШ.

Ее танец есть интернациональный ключ ко многим человеческим тайнам

бессмысленным, абсолютно глупым. Нет ничего важнее для творчества, чем такие величественные, таинственные тени прошлого, артистические кулисы, в драматической пыли которых можно отыскать и вдохновение, и совершенно конкретные элементы, формы одежды, орнаменты. Я не боюсь такой пыли и заброшенности, напротив, я бегу от всего лощеного, прямолинейного и, если угодно, современного и правильного. Я люблю прошедшее время. — У вас здесь то ли *commedia dell'arte*, то ли пьеса Чехова. Думали ли вы о чем-

нибудь подобном, когда присматривали это помещение?

— Сказать мне о Чехове — значит сделать комплимент. Я ведь все-таки немного связан с театром. Я делал костюмы для спектакля Луки Ронкони «Сон в летнюю ночь». До меня с Ронкони работал только Карл Лагерфельд, они делали вместе «Троянцев». Работа в театре — очень тяжелое занятие. Гораздо более тяжелое занятие, чем в модной индустрии. Там ты делаешь коллекции, отталкиваясь от себя. В театре на первом месте персонаж. Потом — ре-

ANTONIO MARRAS,
ОСЕНЬ-ЗИМА 2012/13

ANTONIO MARRAS,
ОСЕНЬ-ЗИМА 2012/13

жиссер. Затем — актер. Ты должен одеть персонажа-актера, доммысливая что-то, но не преображая его окончательно. Создать не суть, а оболочку. Работа в театре — это балансирование канатоходца. Я много лет мечтал работать с Пиной Бауш, но, увы, так и не решился ей в этом признаться. Для меня она величайший режиссер, режиссер, сумевший найти универсальный язык, ключ ко многим важнейшим творческим и экзистенциальным задачам. И ее ключ, ее танец, ее артистический и философский методы — они трогательные и беспощадные одновременно. Она восхищает меня до сих пор и будет восхищать всегда. В ее спектаклях была пронзительность, человеческая решимость и дикое отчаяние, собранное в маленький женский кулак.

— Как получилось, что вы ушли из Kenzo, дома, который в своих цветах и формах был ориентирован если не на театр, то на театральность?

— Мне просто стало тяжело работать, вот и все. Я устал. Здесь нет никакого секрета. Мода больших марок — это и большой бизнес. Мне для работы всегда нужно время, а не плотный рабочий график, как это принято называть в больших корпорациях. Я не разделяю дом и работу, ни здесь, ни на Сардинии, я не могу сказать: «С девяти до двух я создаю коллекции, после двух — делаю что-то еще, с костюмом не связанное». Видимо, я просто не создан для крупных брендов.

— Как бы вы описали суть вашей работы? В чем суть вашего костюма?

— Я культивирую искусство костюма. Не одной красивой и замечательной вещи, а костюма, единой художественной оболочки. Я порожаю образы. Из старых мастеров я очень ценю Вионне, Пуаре, конечно же, Эльзу Скьяпарелли. Но Скьяпарелли работала в доиндустриальную эпоху, в эпоху классической художественной моды, создаваемой и оцениваемой артистами. Из современных дизайнеров я почитаю больше других Прада. Она не делает примитивную, бытовую моду, она создает, порождает образы — из разных эпох, из разных культурных и социальных слоев. Прада словно вытаскивает их из тьмы на свет. Они настолько хороши потому, что законченны — от прически для сумки. Конечно, в этом смысле — постоянного порождения образов — есть что-то неизбежно театральное. Истинная мода отчасти химерична. А истинный костюм — это тень чего-то великого.

— Что такое современный костюм? Ведь роль коммерции в нем столь велика?

— Современная мода обыкновенно отражает современный мир. А это коммерция, это продажи, это все новые и новые коллекции. Я совсем не хотел бы подвергать сомнению работающую маркетинговую формулу, она просто данность, она — ответ на запрос публики. Индустриальная мода невероятно молода, и ею двигают

сезонные перемены. И даже те, кто уже в возрасте, все равно, чтобы выглядеть постоянно молодыми, даже бессмертными, вынуждены беспрестанно меняться. Витальность современной моды дарит иллюзию бессмертия. Как и пластическая операция. Ведь раньше костюм носили много лет, и он, этот костюм, держал человеческую фигуру. Люди боялись измениться, поправиться, потолстеть или похудеть, чтобы не подвести свой костюм. В этом были отношения. Сегодня человеческие отношения с костюмом изменились.

— То есть вы противостоите современной формуле успеха?

— Я не революционер, не борец, и мне трудно говорить о каком-то специальном противопоставлении. Я родился, живу и работаю на острове, на Сардинии, а островное существование все-таки предполагает романтизм и изоляцию. Я не комментатор. Я обращаю внимание на культуры — на японскую, ближневосточные культуры, на русскую культуру, но я не постмодернист, и я не шью костюм из прямых цитат. Мой гардероб — это волшебный театр старых теней, раскрашенных мной от руки. Мой гардероб — это театр магический, украшенный мерцающими фонариками, это вымышленный мир — сложный, придуманный, но законченный с образной точки зрения.

Беседовала Екатерина Истомина

«Мой стиль мягче, чем был у Франко Москино»

Росселла Джардини о *dolce vita* и математике

MOSCHINO,
ОСЕНЬ-ЗИМА 2012/13

ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

ХУДОЖЕСТВЕННЫМ

директором Moschino Росселла Джардини стала в 1994 году — после смерти основателя марки Франко Москино, у которого она работала ассистентом. Росселла Джардини ценит искусство военной униформы не меньше, чем классического костюма.

— В вашем офисе много предметов эпохи Франко Москино. Насколько вам близок коммерческий сюрреализм основателя дома?

— Я ценю видение Франко Москино, но мой стиль далек как от классического сюрреализма 1930-х годов, так и от его более поздних, коммерческих вариаций. Сам Москино видел моду сверкающим творческим приключением, он считал, что это игра с предметами, цирковое путешествие в мире широко разрекламированных вещей. Это был его стиль, и очень хорошо, что многое из той эпохи 1980-х и начала 1990-х годов нам удалось сохранить: и вещи, и эскизы, и прекрасные книги, которые вы можете увидеть в нашем миланском офисе. Мы сохранили и главное, что было в его стиле, — игру. Но у меня нет настолько прямых связей с театром, с брутальным, мощным зрелищем, какие

были у Москино, поэтому в моем случае все гораздо мягче.

— Какая эстетика, какое время вам ближе?

— Я больше люблю кино, чем театр. С эмоциональной точки зрения мне близок Лукино Висконти, его «Смерть в Венеции» — мой любимый фильм. Мне нравится и Голливуд 1950–1960-х годов — тогда режиссеры и актеры блистательно умели возвращать зрителей в прошлое. Мне близка эпоха *dolce vita* и блистательный, праздничный, карнавальная и аристократический Рим того времени.

— При работе над коллекцией вам важнее эмоции или расчет?

— Эмоции первичны. Ведь за что я, например, люблю *dolce vita* или романы Фицджеральда? Время *dolce vita* послевоенное, сложное, люди тогда снова очень захотели жить, любить, чувствовать. И то же и у Фицджеральда. Это поиск счастья, уже позабытого за тяжелые времена. И мне всегда важно чувствовать именно такую точку радости, долгожданной радости. Такая радость звучит острее. Такая радость — это возможность возрождения себя. Ведь и мода — это возрождение, каждый сезон — это новый

1980-Е БЫЛИ ГОДАМИ

неподдельной и великой коммерческой моды — сюрреалистичной, барочной, карнавальная. Сейчас краски уже не столь яркие

MOSCHINO,
ОСЕНЬ-ЗИМА 2012/13

виток. Что касается расчета, то он, вне сомнений, крайне важен в конструировании костюма. Мы традиционно делаем сложные вещи с множеством разнообразных элементов, поэтому расчет при изготовлении костюма обязан быть математическим.

— И какое место занимает математика в моде?

— Мода отчасти и есть математика: я имею в виду технические особенности ремесла, ежедневной работы. Возьмите, например, обычные пуговицы. Ведь чтобы поставить правильно на пиджак, блузку, пальто позолоченную пуговицу или любой другой элемент — воротничок, манжету, кружево, кусочек меха, нужно быть не менее точным, чем математик или инженер. Каждый костюм нашей марки — это ведь огромное количество разнообразных деталей. И задача модной математики — сделать так, чтобы уравнение костюма в конечном итоге решилось и все его детали стали единым целым. Чтобы не было ничего лишнего, но и не оказалось вдруг пустоты. На самом деле разговор о математической точности моды — не разговор сегодняшнего дня, это ведь давнее правило портновского ремесла, которое у нас, итальянцев, в крови.

— Вы так же, как и Франко Москино, используете в костюме множество цитат и шуток, которые называете деталями. В чем отличие вашего чувства юмора от чувства юмора Москино?

— Конечно, я сохраняю стиль Москино, но у меня он получается не таким вызывающим, как у него. У него была все-таки откровенная сатира, у меня — просто ирония, юмор. У него был почти живой цирк, невероятное шоу, у меня — зрелище более мягкое, нежное, женственное, более адаптированное к повседневной жизни. Но ведь мы и работаем в разное время. Он начинал еще у Джанни Версаче, свой собственный дом открыл в 1984-м, в замечательную эпоху. 1980-е годы были годами величайшей и неподдельной коммерческой моды: бурной, барочной, пышной и очень яркой, карнаваловой. Сейчас краски не столь яркие, поэтому сатира сменилась на юмор.

— Ценна ли вам стилистика старых курортов, прежней аристократической и буржуазной жизни?

— Ценна, вне всяких сомнений. Старые курорты предлагали идеальные формы для костюмов — утренних, дневных, коктейльных, вечерних. Прежняя бур-

жуазная жизнь была хорошо продумана, правильно регламентирована, поэтому и правильный костюм был так важен для отдыхающих, курортников. Мне вообще интересно искусство военной униформы, не меньше, чем классического костюма. Униформа — это каркас, панцирь, математическая портновская формула. Шинель, бушлат — великие с точки зрения кроя вещи. Я не создаю классической военной униформы, но всегда держу ее каркас в уме. Платье в моих руках всегда остается именно платьем, а шуба — только шубой. Другой вопрос, что в классическую конструкцию мы вносим элементы как старой моды — матроски, банты, аппликации, кружева, так и новой, современной, уличной жизни. У нас свой почерк, главное эмоциональное свойство которого — это романтический юмор.

— Вы сказали, что любите Фицджеральда, какие еще писатели вас вдохновляют?

— Трумен Капоте, Пруст, Ирвинг Стоун. Кому-то, быть может, эти авторы покажутся несовременными, но я всегда возвращаюсь к ним. За смыслом, за настроением, за человеческой честностью.

Беседовала Екатерина Истомина

«Мода неотделима от современного искусства»

Паоло Джерани об Энди Уорхоле и китайских диссидентах

ICEBERG,
ОСЕНЬ-ЗИМА 2012-2013

ПАОЛО ДЖЕРАНИ

— сын знаменитых итальянских текстильных промышленников Сильвио и Джулианы Джерани, основавших в 1962 году компанию Gilmar. Штаб-квартира и огромная фабрика Gilmar Group находятся в городке Католикке — в центре fashion-производства Северной Италии, в 330 км от Милана. Наиболее известной маркой, входящей в Gilmar Group, является Iceberg, созданная в 1974 году. В 2000-м креативным директором Iceberg стал сын Сильвио и Джулианы Паоло Джерани.

— Ваши родители часто принимают участие в гонках и ралли. Вот и на парковке возле Gilmar я видела черный старый Porsche. Вы разделяете семейное хобби?

— Porsche принадлежит моей матери. Она ездит на нем много лет и наотрез отказывается поменять этот автомобиль на более современную машину, сколько мы с отцом ее ни уговаривали. Я даже не помню возраста этого Porsche! И, если честно, старыми или новыми автомобилями совсем не

болею, но зато я заядлый велосипедист: чувствую себя в седле очень уверенно, могу даже спокойно заехать на горные вершины Сан-Марино. А ведь это трудно: едешь почти как по отвесной скале. Родители же действительно несколько раз выступали на ралли классических автомобилей «Тысяча миль». На том, что по маршруту Брешиа—Рим—Брешиа.

— Вы коллекционер современного искусства. Где, как, что и по каким ценам вы покупаете?

— Я классический коллекционер, так что покупаю на аукционах Sotheby's и Christie's. С представителями этих домов у меня хорошие отношения. Я в принципе очень верю в искусство, но не в старых мастеров, а в современное искусство, вернее, в его разновидность — поп-арт. Что го-

МЕНЯ ИНТЕРЕСУЕТ НЕ ТОЛЬКО

традиционный американский поп-арт. В моей коллекции есть и великие итальянские футуристы

IMAXTREE

IMAXTREE

ICEBERG,
ОСЕНЬ-ЗИМА 2012-2013

IMAXTREE

IMAXTREE

IMAXTREE

IMAXTREE

ворить о ценах? Все очень дорого, но я не скуплюсь.

— Современное искусство находит отражение в вашей работе?

— Я очень часто слышу от других людей: Паоло, ты сумасшедший! Ты хочешь купить вот это?! И еще за такие деньги?! Но современное искусство — это мой способ разговора с миром и это, конечно, моя мода. Конечно, те, кто покупает старых мастеров, находят в них свою прелесть, но меня волнует только современность. Я покупаю и фотографии, и скульптуры, и картины. Что касается моды, то она неотделима от современного искусства. Возьмите, например, Уорхола: кто еще смог сделать для моды второй половины прошлого века больше, чем он?

— В вашей коллекции, полагаю, и звездный Дэмиен Хёрст, и ультрамодные китайские художники-диссиденты?

— Ну что вы, у меня нет таких огромных средств, чтобы купить, положим, формалиновую «Акулу» Хёрста. Да и что бы я с ней делал? Цены на Хёрста сегодня невероятно завышены. Сейчас Хёрст не столько

художник, сколько лейбл, якобы художественный пропуск в какой-то особенный артистический мир. Мол, если вы не любите и не понимаете Хёрста, то вы не знаете и не понимаете ничего. Но это не более чем навязывание. Я способен самостоятельно разобраться в том, что я хочу купить.

— Но Энди Уорхол ведь тоже лейбл.

— Они несравнимы. Уорхол дал жизнь, например, поп-арту, а его стиль жизни стал ролевой моделью поведения для большинства современных художников. Цены на Уорхола не падали и не падают, а на Хёрста они еще упадут. Китайское современное искусство, которое вы упомянули, — это тоже коллекционная мода. Моден в принципе сам Китай как некая новая сила. Мода на определенную страну, тем более столько лет закрытую, порождает и моду на ее искусство. Есть ли в этом искусстве ценность? Ценны ли китайские художники-диссиденты чем-то еще, кроме того, что они являются диссидентами? Не знаю, посмотрим. Мой коллекционный интерес — это американцы, кубинцы.

— Есть ли в вашей коллекции итальянские художники? Например, итальянские футуристы, легендарные возмутители артистического и общественного спокойствия?

— Конечно, есть. Я горжусь тем, что у меня есть три работы Фортунато Деперо, одна небольшая картина Джакомо Баллы, а также Джорджо де Кирико. Кстати, эта работа де Кирико из моей коллекции принадлежит не академическому периоду, а метафизическому, самому интересному и важному.

— Не кажется ли вам, что поп-арт давно умер, что и его скоро можно будет отнести к категории «старые мастера»?

— Вовсе нет. Поп-арт ведь не только течение, это определенная философия создания художественного произведения. Это бесконечная игра в поверхности, в рекламные, знаковые для современной культуры поверхности, это жонглирование самыми популярными знаками, их комбинирование. А знаки от нас никуда не уходят — будь то кока-кола, марка супа или соуса, лицо Мэрилин Монро или Умы Турман, изобра-

жение Микки-Мауса или Че Гевары. Поп-арт хорошо понимает и чувствует то, что наша жизнь насковозь пронизана рекламой и всевозможной коммерцией, но в этом уже нет ничего плохого. Поп-арт показывает, как с рекламными носителями, с коммерцией можно бороться на их же территории: просто включать их в игру, поглощать их. Так ведь и в моде. Это хорошо видно в коллекциях Iceberg. В них есть агрессия, есть выпад, есть вызов, но так происходит потому, что мы абсорбируем существующую повседневную реальность.

— Что еще, кроме современного искусства, важно в вашей собственной реальности?

— Во-первых, мои неугомонные дети — их у меня четверо. Во-вторых, далекие путешествия — в Африку, на Кубу. В-третьих, красное вино — и не только итальянское, но и из Нового Света. И в-четвертых, кули-нария — я сам пеку белый хлеб, тонкие лепешки, которые называются у нас в Италии piadina.

Беседовала Екатерина Истомина

«Корсет — предмет бессмертный» Джованни Бьянки о гейшах и курортах

ПРЕДСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ BOSCO DI SELEGNI

ПРЕДСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ BOSCO DI SELEGNI

LA PERLA,
ОСЕНЬ-ЗИМА 2012/13

КРЕАТИВНЫЙ директор La Perla Джованни Бьянки, работающий также и для Jean-Paul Gaultier, рассказывает о текущей линии и своей коллекции будущего года.

— Какой сюжет у коллекции La Perla осень-зима-2012/13?

— Основные мотивы ориентальные, в центре внимания — Китай. Сегодня многие марки уделяют внимание Китаю, и мы в La Perla не посчитали возможным обойти этот тренд.

— Это оммаж китайским покупателям, представляющим сегодня самый важный рынок для продуктов luxury?

— С одной стороны, это наше модное послание прекрасным китайкам. Но с другой — это международная коллекция, предназначенная для покупательниц всех стран,

где представлен наш бренд, в том числе для русских женщин. В этой восточной, ориентальной линии мне было интересно показать иную, чем западная, сексуальность. Согласитесь, что восточная женщина не так агрессивна и воинственна, как женщина американская или европейская. Сексуальность восточной женщины мягче, нежнее, скромнее. Восточная женщина неспроста кажется западным мужчинам совершенной загадкой, и особенно загадочны знаменитые японские гейши. Женщина на Востоке традиционно более ориентирована на семью, на мужа, она менее самостоятельна, и эти исторические и национальные обстоятельства придают особый шик ее повседневной одежде. Определенная скрытность, закрытость возбуждают гораздо больше, чем откровенная, вызывающая сексуальность. За техническую основу моделей мы взяли национальные костюмы — как китайский, так и японский. Разумеется, это была только форменная основа, и наши предметы не стоит считать точными копиями восточных нарядов. Основные материалы,

ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

СПИТЬ КОРСЕТ
гораздо сложнее,
чем починить
двигатель
в автомобиле

которые мы задействовали в коллекции, это велюр и шелк. Главные цвета — темный золотой, бордо, красный, черный, лиловый, темно-зеленый. Мы сохранили не только общий облик, например длинные халаты с запахом, воротники-стойки, разумеется, классические восточные пижамы, но и знаковые для Китая и Японии костюмные детали — тяжелые кисти, бахрому, золотую

тесью в отделке. Плюс декор — японские цветы, японские птицы, драконы, характерные восточные геометрические узоры. Из европейских элементов стоит упомянуть кристаллы Swarovski, которыми мы украсили одно из наших лучших платьев. Я доволен результатом. Получилась цельная коллекция — с мягкой, трепетной, завуалированной сексуальностью, с красивыми, словно летящими, тканями и с прекрасной отделкой. Модели в меру театральные, изысканные, сложные с точки зрения кроя, но идеальные в носке.

— Придумали ли вы сюжет для весенне-летней линии 2013 года?

— Эта коллекция уже готова, мы посвятили ее Италии эпохи отточеното, то есть XIX веку. Основа линии — это элегантные курортные костюмы Сардинии и Сицилии конца позапрошлого столетия. Перед тем как сделать эскизы для моделей, я провел много времени в библиотеке, в архивах. Перерыл тонны старых иллюстрированных журналов! Наглотался пыли, но не зря: итальянские и французские журналы мод

ПРЕДСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ BOSCO DI CILEGI

ПРЕДСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ BOSCO DI CILEGI

ПРЕДСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ BOSCO DI CILEGI

ПРЕДСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ BOSCO DI CILEGI

LA PERLA,
ОСЕНЬ-ЗИМА 2012/13

тех лет весьма подробно рассказывали не только об этикете курортной жизни, но и о купальниках. Точнее сказать, это были купальные платья, а не купальники в нашем современном понимании. В новой коллекции вы увидите формы, подобные корсету: мы использовали их для купальных костюмов, а также для платьев, предназначенных для вечеринок у бассейна, и, конечно, для белья. Много декора, орнаментов, сложной отделки. Словом, ждите очень glamorous витальную коллекцию.

— Корсет, от которого женщину освободил Поль Пуаре, многими тогда трактовался как символ женской несвободы, а отмена корсета — как освобождение женщины. Вы как сами оцениваете этот предмет?

— Во-первых, я много лет работал для Жан-Поля Готье, художника, который сделал французский корсет знаком своей моды. Корсет для меня — это не вещь в витрине музея. С искусством изготовления корсетов я хорошо знаком, и мне доводилось конструировать корсеты лично. Это очень сложно!

ПРЕДСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ BOSCO DI CILEGI

Куда сложнее, чем починить двигатель в автомобиле. Во-вторых, детали корсета, пусть его и отменили почти сто лет назад, мы используем для изготовления белья и сегодня, в XXI веке. Возьмите, например, бюстье, это же частичка корсета. Или застежки, они же вариант шнуровки. Так что корсет не умер, этот предмет будет существовать до тех пор, пока у женщины есть грудь и талия.

— Имела ли отмена корсета действительно столь важное идеологическое значение?

— Корсет оказался знаменем освобождения, как бы смешно это ни звучало. Без отмены корсета не возникли бы платья эпохи ар-деко и не было бы моды на тонкие, плоские женские фигуры тех лет. С корсетом нельзя себе представить моду на спорт, моду на пляж, на подвижный образ жизни. Сегодня корсет — это, конечно, часть моды далекого прошлого, но, как я уже сказал, корсетный крой используется и сегодня.

— Чем вы можете объяснить современную моду на вечную, бесконечную молодость?

— Человеческая жизнь становится все длиннее и длиннее благодаря науке и ритму существования. А старость является табуированной в современном обществе, мы слышим и видим это табу везде — по телевизору, в интернете. Сегодня женщина и в 50, и в 60, и в 70 — посмотрите, например, на Джейн Фонду — способна быть полной жизни, творческих и физических сил. Женщины стали позднее рожать — и в 40, и даже в 45 лет, — а раньше, еще 150 лет назад, в этом возрасте они были бы вовсе не мамами, а бабушками. Конечно, всем нам хочется быть юными, и марки моды, косметики делают все, чтобы помочь женщинам оставаться молодыми как можно дольше. С другой стороны, я не могу приветствовать повальное увлечение пластическими операциями. Хирурги словно сговорились: они всем делают одинаковые лица. Мой вариант — здоровое питание, спорт, секс, ежедневные положительные эмоции.

Беседовала
Екатерина Истомина

Блестящее образование

О ювелирной школе Van Cleef & Arpels

Алексей Тарханов |

В НАШЕМ КЛАССЕ —

высокие французские окна, напоминающие дворцовые. Длинный стол посреди напоминает лабораторию. Перед нами пеналы, напоминающие школьные. Но в пеналах — не карандаши с ластиками, а драгоценные камни. Учителя открывают их перед нашими глазами, и все тут же смотрят в руки соседа — у кого камни интереснее.

Не стоит завидовать, через несколько минут мы меняемся образцами и начинаем разбираться: где — рубелиты, где — сапфиры и аметисты, где — желтые бериллы и зеленые турмалины.

Я снова в школе, но на сей раз в ювелирной. Даже не средней, а начальной, зато единственной в мире школе, где ювелирному делу учат любителей, а не профессионалов. Ее открыл французский ювелирный дом Van Cleef & Arpels — возможно, для того, чтобы люди лучше понимали, на какие чудеса он способен.

— Это школа для взрослых, — объясняет мне директриса Мари Валлане-Делом. — Единственная в мире. Профессиональные ювелирные училища, геммологические школы — все это существует, но у нас другая задача. Мы воспитываем чувства, мы воспитываем зрение, мы даем вам прикоснуться к ювелирному искусству в буквальном смысле этого слова. Единственное условие — вы должны любить драгоценности, а мы покажем, на чем основана ваша любовь. Возрастных ограничений не существует. Я могу себе представить на уроке рядом мать и дочь. Нет и национальных ограничений. Курсы идут и на французском, и на английском. Вы можете выбрать, какой объем знаний и на каком языке вы намерены получить.

Сюда берут по предварительной записи, потому что в классе может быть не более 12 человек. Им предстоит не только

слушать, но и работать. Полный курс делится на три этапа и семь курсов — «модулей»: три начальных, два средних и два высших. Каждый рассчитан на четыре часа. Стоимость одного «модуля» — от €600 до €950. Последние — самые интересные. Они предусматривают настоящую работу за столом ювелира и посещение ювелирных мастерских Van Cleef & Arpels — честь, которой удостоился не каждый специалист. Но записаться сразу на высший уровень не удастся. Сначала — хотя бы два урока начальных этапов. Как сейчас у нас.

Курс, конечно, проще того, что читают в геммологических школах, но для покупателя он бесценен. Лучше всего, наверное, если на уроки записываются давние клиенты, им не надо объяснять, зачем нужны на земле ювелиры. Чтобы далеко не ходить, обучают на той же Вандомской площади, где расположен бутик Van Cleef & Arpels. Занятия проходят в интерьерах эпохи Наполеона III в старинном Hotel d'Evreux по адресу: 19, Place Vendome. Вход — справа от «Ритца». Если бы он не закрывался на ремонт, его можно было бы сделать школьным общежитием.

Нас учат «читать» камни, преподают основы геммологии. Мы можем узнать, например, как определяется ценность бриллианта. На то существует знаменитое правило «четырех С». Камень классифицируют по четырем параметрам. Во-первых, его вес, измеряемый в каратах. Мера carate пошла от названия семян рожкового дерева, которое использовалось римлянами в ювелирных весах в качестве разновеса. Карат — это 0,2 грамма. Остальные «три С» — это clarity, socolo и cut, то есть чистота (число и расположение инородных включений — от невидимых под микроскопом до заметных невооруженным глазом),

цвет (от прозрачного D до желтоватого Z) и огранка (по шести основным фасонам). О бриллиантовой иерархии нам рассказывает Доминик Дюфермон. В Van Cleef & Arpels он занимается отбором и покупкой камней. У него два образования, он геммолог и геолог.

Соответственно, от геммологии мы переходим к геологии. Вместо чистых ограненных камней мы получаем в руки камни такими, какими их добывают — еще вросшими в породу. Вот двухцветный турмалин из Бразилии, вот опалы из Эфиопии, вот иссиня-зеленый, забавно выглядящий, как грибная гроздь, малахит из Конго, вот уругвайский аметист, а вот шпинель из Мьянмы. Вместе с уроком геологии — урок экономической географии. Это важно еще и для того, чтобы понимать, с каких концов земли собираются камни, прежде чем занять место в украшениях, лежащих в соседних витринах на Вандомской площади.

О мифологии драгоценных камней рассказывает американка Инезита Гай. Она пришла в Van Cleef & Arpels из Принстона, где занималась археологией и историей искусств. Секреты работы с алмазами открывает Марсьяль Барб — знаменитый огранщик, кавалер ордена Почетного легиона. Эта единственная мини-лекция, которую дают в записи. Барба в Париж калачом не заманишь, он живет и гранит в своем Лон-Ле-Сонье, городке в предгорьях Юра.

— Наша школа сделана так, что она может еще и путешествовать, — говорит мне Мари Валлане-Делом. — Мы отправимся с курсами в Европу, Америку, Азию. Надо пользоваться тем, что мы работаем в великом Доме, который столько раз был абсолютным новатором в ювелирном деле. Скоро у нас будут ученики во всех странах. И конечно, мы рады их принять в Париже.

Когда я спрашиваю, дадут ли круглым отличницам по окончании школы скидку в бутике напротив, мне вежливо в ответ улыбаются.

VAN CLEEF & ARPELS, PALAIS DE LA CHANCE, 2012, БРОШЬ HINA, БЕЛОЕ ЗОЛОТО, КОРАЛЛЫ, ИЗУМРУДЫ, РАЗНОЦВЕТНЫЕ САПФИРЫ, БРИЛЛИАНТЫ

VAN CLEEF & ARPELS, PALAIS DE LA CHANCE, 2012, БРОШЬ CERF, БЕЛОЕ ЗОЛОТО, ЧЕРНАЯ ШПИНЕЛЬ, ЖЕМЧУГ, РАЗНОЦВЕТНЫЕ САПФИРЫ, БРИЛЛИАНТЫ

МОЖНО ЛЕГКО ПРЕДСТАВИТЬ

на уроке рядом мать и дочь.

В школе нет и национальных ограничений

Топ-модельное прошлое Guess отметил 30-летие в George V

Екатерина Истомина |

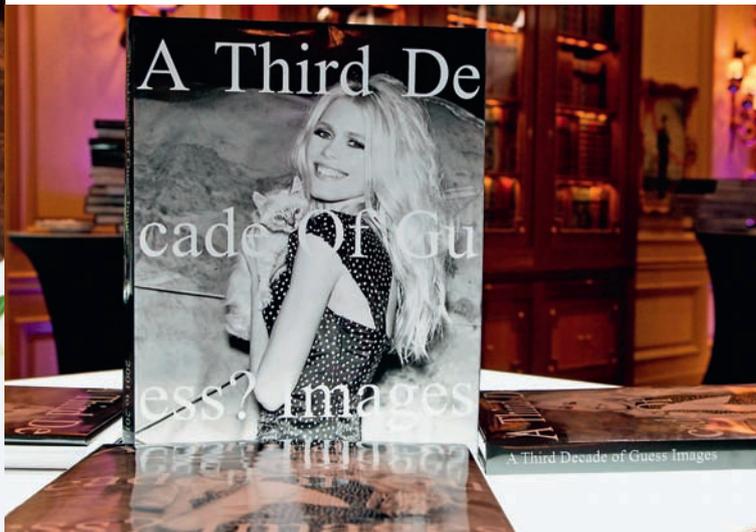

ПРЕДСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ GUESS

ПРЕДСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ GUESS

ЮБИЛЕЙНЫЙ ТОРТ
ПРИГОТОВИЛИ
КОНДИТЕРЫ GEORGE V

ПРЕДСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ GUESS

АЛЬБОМ «A THIRD
DECADE OF
GUESS IMAGES»
С КОЛЛЕКЦИЕЙ
РЕКЛАМНЫХ
ИМИДЖЕЙ МАРКИ
ПОЛУЧИЛИ ВСЕ
ГОСТИ ВЕЧЕРИНКИ

ПРЕДСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ GUESS

ДИЗАЙНЕР ОСВАЛЬД
БОАТЕНГ И ФОТОГРАФ
ЭЛЛЕН ФОН УНВЕРТ
ПРЕДСТАВИЛИ
НА ПАРИЖСКОЙ
ВЕЧЕРИНКЕ GUESS
ДВА РАЗНЫХ СТИЛЯ —
SMART CASUAL
И DANDY CHIC

30-ЛЕТИЕ марки ее основатель Пол Марчиано решил отпраздновать не в Лос-Анджелесе (это родина и место штаб-квартиры бренда), а в Париже. Для юбилейной вечеринки довольно долго искали площадку и в конце концов решили остановиться на отеле George V, принадлежащем цепочке Four Seasons. Старый добрый парижский «Жорж», эталон помпезного французского стиля, еще никогда не подвел ни одного юбиляра: этот отель и сам всегда выглядит как накруженный праздничный торт, истинная гордость кондитера.

Внутренний дворик George V, имеющий форму каре, в тот весенний вечер переделали в лаунж с маленькой сценой и к торжественному пространству добавили также и библиотеку, где в самом начале party Пол Марчиано, румяный, счастливый, одетый в смокинг, лично провел презентацию толстого фолианта «A Third Decade of Guess Images». Эта книга рассказывает историю марки, но не путем скалькулированного перечисления вышедших коллекций, а при помощи рекламных имиджей — черно-белых и ретушированных цветных.

Показать, вне сомнений, есть что: одежда Guess (и в первую очередь знаменитые узкие облегающие джинсы с дырками и иными знаками давней плодотворной носки) в разные годы представляли истинные женщины-дивы — Анна Николь Смит, Клаудия Шиффер, Ева Герцигова, Пэрис Хилтон, Летиция Каста и Карла Бруни (не так давно к группе присоединилась Ирина Шейк). Перечисленные выше дивы не похожи друг на друга, но именно стиль Guess делал их совершенно одинаковыми: собственно, в желании сделать поразительно одинаковыми всех девушек мира всегда и заключалась стилистическая идеология марки.

Guess — это одежда секс-бомб, это униформа откровенных, раскованных, дышащих здоровьем и пышущих страстными желаниями девушек. Такие бескомпромиссно сочетают в одном костюме кружевной лифчик, потертые голубые джинсы, шляпу ковбоя и стоптанные каблуки профессиональной стриптизерши. Неслучайно Guess когда-то восславила именно топ-модели, причем роли, предлагаемые Полом Марчиано, явно удавались больше модельным блондинкам, нежели модельным брюнеткам.

Разве можно пройти мимо рекламного имиджа Guess, датируемого 1992 годом? Растрепанная кровать, на которой возлежит белокурая звезда Playboy Анна Николь Смит: у нее идеальная, с завивкой, прическа в стиле Риты Хейворт, макияж в духе Одри Хепберн и полубнаженная грудь, чьи формы могли бы соперничать с декольте самой Элизабет Тейлор эпохи античного блокбастера «Клеопатра». Стиль Guess отчасти стоит определить как мечты правильной американки о сказочной щедрой Сардинии, где все влюблены и все решительно готовы к приступам любви. Иногда между тем раскрепощенные американские мечтания дрейфуют в сторону порочного Парижа и его сумрачных недорогих отелей: такие грезы 20 лет назад вниманию зрителя и покупателя предлагали Ева Герцигова и Клаудия Шиффер. Имиджи Guess с их участием практически похожи: обе модели в кружевном и шелковом белье со светлыми художественно растрепанными волосами на фоне искусно разобранных белоснежных кроватей. Что-то среднее между фильмами *poig* или стилем *pin-up*.

Немецкая топ-модель Клаудия Шиффер, а также фотограф, режиссер и в прошлом также модель немецкого происхождения Эллен фон Унверт оказались самыми логичными гостями юбилейного party. Из всех великих топ-моделей именно Шиффер чаще всего снималась в рекламе Guess, а Эллен фон Унверт, легендарная специалистка по удачным съемкам светской публики, много работала как фотограф для предприятия Пола Марчиано (так, ее перу принадлежат имиджи с Пэрис Хилтон и Бьянкой Балти). Удивительно, но стойкий нордический дух (обе блондинки не уставали дружески обнимать друг друга), казалось бы, столь противоположный простодушным сексуальным мечтаниям героинь Guess, пришелся в итоге очень кстати. Ведь классический доступный рекламный порок у Guess выглядит немного кукольным: Шиффер и фон Унверт, немецкие белокурые богини, легко доказали, что секс — это декольте и не дырки на джинсах, а, скорее, стопроцентная недоступность главной героини. Впрочем, на текущие и будущие коллекции дома Guess это знание вряд ли окажет заметное влияние.

Гвардия ленинградской торговли ДЛТ открылся после реконструкции

Кира Долинина |

«ДЕВОЧКИ, В ДЛТ „САЧКИ“ ДАЮТ!» — и широкие дамские народные массы покидали насиженные рабочие места

ПО ПРАВДЕ говоря, никогда этот магазин не был самым роскошным магазином города. Роскошными были другие — маленькие, большие, с гербами и без, но этот стал любимым.

Несмотря на более чем убедительный декор снаружи и внутри, строили здесь, на бывшей земле петровского вельможи и даже царского сродственника Артемия Волынского, универсальный магазин не столько помпезный, сколько современный и практичный. До 1907 года, когда два соседних участка на углу Большой Коношенной улицы и Волынского переулочка купило Гвардейское экономическое общество, здесь был извозничий дом и дешевые «Волковские номера», в которых кто только не останавливался, но крае-

веды упоминают прежде всего Глинку и Салтыкова-Щедрина. Не самое презентабельное было место. Гвардейские администраторы были людьми рациональными, они оценили в этом участке близость не столько к резиденциям императорской фамилии, сколько к многочисленным военным зданиям — штабам и казармам.

В 1907 году был объявлен международный конкурс, на который было представлено 25 проектов. Но, как это у нас водится, даже из четырех награжденных вариантов ни один организаторов полностью не устроил, и главным архитектором строительства был просто назначен один из конкурсантов-победителей Эрнест Виррих с проектом, в котором были использованы идеи инженера Иосифа Падлевского;

потом к работе присоединились еще и другие мэтры. Виррих к тому времени был уже заслуженным строителем зданий Нижегородской Всероссийской выставки, Успенского собора в Омске, Политехнического института в столице и, что гораздо важнее, особняка самого Сергея Юльевича Витте на Каменноостровском проспекте. Удачное строительство здания для Гвардейского экономического общества принесет ему потом еще несколько отличных заказов, среди которых ставший образцом многоквартирного дома новейшего времени жилой комплекс Бассейного товарищества собственных квартир на углу улицы Некрасова и Греческого проспекта. Сделавшийся при большевиках страшным коммунальным клоповником, этот дом до

последнего держал лицо и до сих пор незбылемо стоит памятником тому, какими могли бы быть петербургские новые районы, да не стали.

Здание будущего ДЛТ строила немецкая фирма, и строила, надо сказать, по самым новым технологиям: это был один из первых в России проектов с монолитным железобетонным каркасом; фундамент был сделан в виде сплошной плиты, с которой жестко соединены столбы, балки и перекрытия; гигантский атриум перекрывался тройным прозрачным покрытием из стекла с вплавленной в него металлической сеткой; торговые галереи, опоясывающие атриум, опирались лишь на железобетонные колонны высотой в три этажа. Строили очень быстро — основной каркас соору-

ДЕТИ РАЗНЫХ ЛЕТ ВСПОМИНАЮТ СВОЙ МАГАЗИН ДЛТ — С КУКЛАМИ, ИЛИ ИГРУШЕЧНЫМИ ДОРОГАМИ, ИЛИ ПЛЮШЕВЫМИ МЕДВЕДЯМИ. ТЕПЕРЬ ЖЕ НА МЕСТЕ КУКОЛ — АРТИКУЛЫ НАСТОЯЩЕГО ЛЮКСА

дили за пять месяцев, а открыли магазин спустя всего лишь полтора года после закладки — 7 декабря 1909 года.

К этому моменту в столице империи уже вовсю шла торговая революция. Главной жертвой ее должны были стать цены «с запросом», еще на рубеже веков принятые не только на рынках и в лавчонках, но и во вполне солидных магазинах. Крупные магазины в центре города выставили парижское *prix fixe* на свои щиты. На самом деле, конечно, это правило не всегда соблюдалось — опытные приказчики своих провинциальных жертв с толстым кошельком узнавали сразу, но постепенно новая манера торговать привилась. Второй победой прогресса стала внятная реклама — моду задавал Гостинный двор, где покупателей заманивали в дорогие магазины светящимися в вечной темноте петербургской зимы витринами. Однако настоящим двигателем торговли все-таки оставалось сарафанное радио и любезность приказчиков. Офрануженный шепоток напомаженных приказчиков с галантерейными манерами и знание всех причуд постоянных клиентов действовал завораживающе. Так было до появления «гвардейской экономки» — универмага Гвардейского экономического общества.

Ничего подобного Петербург тогда не знал — универсальный магазин, где, не выходя на улицу, с точной топографией отделов, можно было купить, как уверяют историки петербургского быта достопочтенные Засосов и Пызин, практически все возможное: от продуктов питания до музыкальных инструментов, от офицерского обмундирования до снаряжения для лошадей, можно было заказать платье, приобрести заграничные предметы роскоши. «Народу в универмаге бывало много, товар первоклассный, цены не выше, чем в других магазинах». Прийти туда мог каждый, но особые привилегии имели члены общества, гвардейские и флотские офицеры, которые в конце года получали доход от собственных покупок в универмаге.

Популярность нового магазина была огромной. Позакрывались многие близлежащие лавки, очевидный отток покупателей был замечен в Гостином. Особым шиком стало не ходить в «гвардейскую экономку», покупать почти то же самое, но эксклюзивное, именное, из рук знаменитых мастеров. В «Записках кирасира» Владимира Трубецкого есть изумительное

описание того, как он в 1912 году закупал свою первую экипировку перед производством в офицеры. Непростое это было дело. Долгие ежедневные посещения великого военного портного Норденштрема, который даже из кривоногой коряги мог сделать статного франта. Потом знаменитый магазин «офицерских вещей» Фокина — у него закупалась походная и парадная амуниция в виде всевозможных парадных портупей и виц-портупей, золотых кирасирских перевязей, серебряных лядунок, трехцветных шарфов, кобур, погон, эпюлет, краг, перчаток и темляков палашных и шашечных. У Фокина же специально мастирилась позолоченная офицерская каска на голубой шелковой подкладке, пригонялись золотые кирасы, покупались палаш, шашка и шпага с клинками фигурной стали и, конечно, «знаменитые фокинские фуражки, которые делались только на заказ и которые признавались в гвардейской кавалерии квинтэссенцией хорошего тона». Покончив с заказами у Фокина, будущий офицер устремлялся к не менее знаменитому сапожнику, заказывая у него «парадные сапоги, сапоги обыкновенные строевые и всевозможные штиблеты, парадные, бальные, лаковые и „обыкновенные“, которые тоже были необыкновенны, ибо были творением не столько сапожника, сколько истинного художника».

И, отдельным пунктом, шпоры, которые надо было покупать обязательно «у Савельева». И шпоры, и почти все перечисленное выше спокойно можно было купить и в «гвардейской экономке», но (завидуйте, господа военные!) «ни одни шпоры в мире не могли сравниться с настоящими савельевскими по „благородству“ своего звона, а звук шпор в то далекое время был очень красноречив. Так, если вы слышали сзади себя на улице громкое воинственное и вызывающее бряцание, вы не оглядываясь могли смело сказать, что за вами идет либо жандарм, либо какая-нибудь штабная крыса из комендантского управления. Если до вас доносился тонкий, задорный, кокетливый или же крикливый перезвон — вы знали уже, что где-то рядом шествует приехавший в столицу провинциальный ухари-армеец, гусар-красноштанник. Но если до вашего слуха доносилась мягкая и благородно дзинькующая мелодия — тонкий, воспитанный гвардейский офицер, искусный в правилах приличия и хорошо тона — офицер, носящий знаменитые

савельевские шпоры, приготовленные из какого-то волшебного и, конечно, очень дорогого сплава». Да уж, с подобным армейским *haute couture* «гвардейская экономка» не могла даже состязаться.

В 1912–1913 годах к основному зданию был пристроен Малый зал, который хоть по качеству отделки уступал первому, но мог взять на себя все возрастающий поток покупателей. Но праздновать победу новой торговли было рано. После революции в 1918-м здание заселили многочисленными канцеляриями и бюро, и даже открытый тогда же Первый государственный универсальный магазин не мог противостоять превращению бывшего дворца конюмеризма в проходной двор. В 1927-м универмаг был преобразован в Дом ленинградского кооперации Ленинградского совета потребителей обществ, но конторы заменили мини-заводиками, производившими хлеб, игрушки и напитки. В 1930-х годах здесь царил вездесущий и загребущий «Торгсин», торговавший за валюту и драгметаллы, а с ноября 1935 года универмаг получил название «Дом ленинградской торговли» (ДЛТ). К этому периоду относится главная городская байка, связанная с ДЛТ, — что диковатая эта аббревиатура (Ну что такое на самом деле «ленинградская торговля»? Торговля могла быть только одна — советская) была сочинена из страха перед тем, что получалось из «нормального» названия такого магазина — Ленинградский дом торговли. Получающиеся от такого наименования инициалы Льва Давыдовича Троцкого в 35-м году могли стоить многим головы, поэтому логику отставили и сочинили это самое нелепое ДЛТ.

Советская власть не принесла этому магазину славы, но сделала его местной легендой. ДЛТ в ленинградской мифологии это не место изобилия, это процесс, путешествие. И это путешествие совершали хотя бы раз все ленинградские дети. Перепрофилирование универсального магазина в магазин прежде всего детских товаров сделало ему судьбу. Поразительным образом все воспоминания ленинградцев о ДЛТ сходятся в одном — мамы возили сюда детей за покупками, дети ездили за мечтой.

Дети 50-х вспоминают часы, проведенные перед витринами с немецкими куклами, дети 60–70-х — огромный отдел гэдээровских игрушечных дорог, дети 80–90-х — немудрящее изобилие Барби-жизни в те времена, когда одна кукла сто-

ила целую родительскую зарплату. Все чохом помнят какое-то совершенно особо роскошное новогоднее убранство ДЛТ, где в центре Большого зала устраивали елочный базар. Почти никто не вспоминает конкретные вещи, купленные в ДЛТ, — покупать здесь было так же мучительно, как и в любом другом советском магазине: очереди, духота, ботинки тесные, размеры и цвета не те, платья синтетические, кусачие. И, конечно, кошмар советского детства — отдел школьной формы на третьем этаже ДЛТ. Может быть, другие мамы и приводили своих отпрысков сюда заранее, но моя опоминалась только к самому 1 сентября. Это был ад, коричнево-сине-черно-белый ад. Особо продвинутые дамы 70-х возрасят мне, что не все было так плохо: в ДЛТ, в частности, был особо ценный отдел нижнего женского белья — там, например, часто «выкидывали» кружевные бюстгалтеры, которые, не в пример шитым из толстого атласа доспехам, не стояли колом, а напоминали женскую грудь. Перед таким соблазном не могли устоять ни сотрудники близлежащих НИИ и академических институтов, ни школьницы — с криком «Девочки, „сачки“ дают!» широкие дамские народные массы покидали насиженные рабочие места.

В какой-то момент универмагов как таковых в Ленинграде стало предостаточно: каждый большой городской район был экипирован своим универмагом, а в центре толпы ленинградцев и гостей нашего города делили между собой Гостиный двор, Пассаж и ДЛТ. Однако из трех *grands magasins* города «гений места» был только у ДЛТ.

ДЛТ — это не столько магазин как таковой, сколько квартал нашей личной и очень интимной памяти. «Пышечная на Желябова», за сохранение которой в неприкосновенности вместе с рецептами сладкого гадостного кофе горой встала даже готовая разрушить центр как таковой госпожа Матвиенко, возвращавший гроссмейстеров шахматный клуб имени Чигорина, рюмочные, полуподвальные кафеюшны, где крутили романы сотрудники Эрмитажа и Русского музея, благо это место ровно посередине между этими конторами, — все это входит в понятие ДЛТ. И даже сегодня, когда открылся совсем новый магазин, слово ДЛТ остается важным городским топонимом. Оно не о покупках и товарах, оно о жизни.

Идеальная пара

Ателье Louis Vuitton под Венецией

Екатерина Истомина |

Эскиз обувной мануфактуры Louis Vuitton, выполненный архитектором Жан-Марком Сандроллини

Инсталляция Жан-Жака Ори: «лодочка» VENUS A L'ESCARPIN

Внутренний двор мануфактуры: колесо с гигантскими босоножками

МАЛЕНЬКИЙ городок Фиессо, что в провинции Венето, в 20 минутах езды от Венеции, 150 лет назад стал известен как один из центров обувного производства Италии. Еще одним популярным «обувным направлением» можно считать дорогу от Милана до Римини, вдоль которой располагаются производства Pollini и Sergio Rossi. Но две последние марки владеют по-настоящему огромными заводами, которых нет в Фиессо, где традиционно имеют место только обувные мануфактуры. И одна из них принадлежит дому Louis Vuitton.

В Louis Vuitton всегда стремятся подчеркнуть, что мода является фактом, очень близким к настоящему искусству. Вот почему обувная мануфактура дома выглядит не как промышленное здание, а как большая художественная галерея. Два корпуса из светло-серого бетона со стеклянными стенами, прямоугольным внутренним двором, бодрым отрядом арт-объектов и инсталляций: здание мануфактуры построено в 2008 году по проекту архитектора Жан-Марка Сандроллини. На крыльце мануфактуры установлен монумент, вернее, памятник обуви — белая «лодочка» работы Жан-Жака Ори. Приземистое здание внутри располагает цехами: мужские и женские коллекции шьются отдельно, а для заказа специальной обуви, например

из очень дорогой экзотической кожи, предусмотрено еще и отдельное ателье.

Кроме промышленных пространств на мануфактуре действует и небольшой музей, и все его экспонаты разделены на две части. Первая представляет интереснейшую историческую обувь из дерева (аборигенов Таити) или из начищенного до дьявольского блеска металла (из него изготовлены диковинные китайские безразмерные сапоги — пара, датированная серединой XIX века). Вторая часть — это лучшая, вернее, парадная обувь Louis Vuitton: невероятные босоножки, ослепительные мокасины, лоферы с цветными боками. По стенам фабричного музея неутомимо бегут кадры показов коллекций Марка Джейкобса: плазменные панели демонстрируют величественные парижские показы.

Внутренний двор, оснащенный прямоугольным прудом, также как и крыльцо фабрики, богат на арт-объекты, объединенные единой обувной темой. Среди них огромная «лодочка», собранная из кастрюлек, а также крутящиеся в гигантском колесе пластмассовые босотуфли, предполагаю, что какого-нибудь 72-го размера.

Дизайнера обуви Louis Vuitton зовут Фабрицио Вити. Он довольно часто появляется здесь, в Фиессо, причем не ленится посещать именно цеха. Весь процесс

изготовления обуви (как мужских, так и женских линий) осуществляется только вручную: на фабрике работают более 500 мастеров. Надо сказать, что эти мастера доволны службой. Финансовый кризис, который давно не дает покоя Италии, никак не ощущается в fashion-промышленности: сезонная парижская мода дает постоянную загрузку итальянским ремесленникам. Кстати, многие мастера Louis Vuitton — работники потомственные, их отцы и даже деды делали обувь все в том же городке Фиессо.

Сезонные коллекции — вещи мнимые, сиюминутные, фантомные. Пока идут покупки в международных магазинах Louis Vuitton, в Фиессо уже готовят обувь будущего. Один из мастеров рассказал мне, что ему лично нет никакого дела до парижской моды, различных трендов и всевозможных тенденций. «Конечно, где-то там разрабатывают и цвета, и отделку, но нам-то здесь куда важнее каблучки, шнуровки и подошвы», — сообщил этот доверчивый человек. «Вы боитесь, что этот серебристый каблук может вдруг отвалиться?» — спросила я его. «Нет, мне просто жаль, что мы делаем сезонные вещи, которые становятся ненужными, как только приходит новая коллекция. Их бы носить и носить, ведь сносу нет таким каблучкам!» А вот с этим утверждением, я уверена, многие могли бы поспорить.

Эскиз мужской обуви Louis Vuitton, сделанный Фабрицио Вити

Высокая школа шитья Об ателье Ermanno Scervino

Марина Прохорова |

ERMANNNO SCERVINO,
ОСЕНЬ-ЗИМА 2012/13

МАЛЕНЬКАЯ фабрика Ermanno Scervino сейчас расположена в крохотном городке Грассина под Флоренцией. И она, конечно, больше, чем то старое флорентийское ателье, с покупкой которого связана успешность и уникальность марки. Но принципы бережного отношения к традиционной ручной работе на этой фабрике соблюдаются неукоснительно.

История Ermanno Scervino крайне интересна именно потому, что она имеет прямое отношение к сохранению традиций и секретов портновского мастерства. Дизайнер марки уроженец Милана Эрманно Даэлли с начала 1970-х занимался сначала спортивной одеждой, прежде всего пуховиками для лыжного спорта, а потом — коллекциями аксессуаров. И добился успеха. Но в 1997 году в паре с бизнесменом Тони Шервино Эрманно Даэлли основал бренд Ermanno Scervino, и основным местом производства стало купленное разорившееся флорентийское ателье, в котором на протяжении десятилетий шили вечерние наряды. Мастера в ателье были прекрасные, владеющие практически тайными знаниями и технологиями фло-

рентийской школы шитья. Так появилась марка, которая заслуженно славится своими вполне практичными пуховиками и джинсами и в то же время делает коллекции уровня *demi-couture*. А это подразумевает неизменно дорогие и качественные материалы, сложный крой и выполненную вручную показательно усложненную отделку — вышивку и ручную отстрочку, всевозможные буфы и сложносочиненные защипы, отделку аппликациями, пайетками, бисером, галунами, тонким кружевом и объемными цветами.

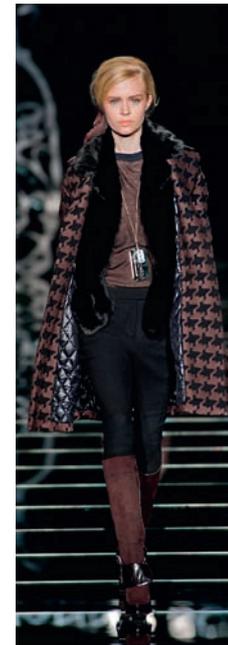
В начале 2000-х коммерческий директор Тони Шервино был очень обеспокоен, что на мануфактуре продолжают работать старые мастерицы, но найти новых не представлялось возможным: молодежь не расположена к тщательной работе. В 2010-х ситуация выправилась. Фабрика, конечно, небольшая, но на ней тесновато, здесь теперь работает много людей: и немолодые ветераны портновского труда, и совсем еще юные новички. Конечно, свою роль сыграли и кризис, и достойные условия труда. Но еще у высококвалифицированного ручного труда есть важная особенность: им приятно заниматься.

Именно на фабрике Ermanno Scervino я познакомилась с женщиной, которая наиболее внятно рассказала мне о том, как облагораживают жизнь творческий труд и признание. Со слезами счастья на глазах. Главная вязальщица Ermanno Scervino родом из Молдавии. Итальянский и молдавский языки имеют много общего, и об этом догадываются все, кто слышал в исполнении Софии Ротару песню «Меланколия дульче мелодия». И поэтому в 1990-х многие жители этой страны приехали в Италию, для того чтобы кормить оставшиеся на родине семьи.

Анна много лет работала сиделкой, потом устроилась на фабрику Ermanno

ERMANNNO SCERVINO,
ОСЕНЬ-ЗИМА 2012/13

Scervino уборщицей. А еще она всю жизнь ради собственного удовольствия вязала. И вот когда она увидела, как вязальщицы и дизайнер бьются над сложным и никак не получающимся узором, она отложила швабру и довольно робко предложила свой вариант решения художественной проблемы. Теперь Анна вяжет все вещи для сезонных подиумных коллекций — и мужских, и женских. И обязательно участвует в разработке новых моделей из трикотажа ручной вязки. А их у Ermanno Scervino достаточно: марка известна не только прекрасными вязаными платьями, свитерами и кардиганами, но и очень узнаваемыми прелестными сумками из рельефного трикотажа с кожаной отделкой.

Так вот Анна отметила, разумеется, кардинальную разницу в своих прежних и нынешних доходах, но со слезами она говорила мне следующее: «Я всю жизнь думала, что я обычная бедная женщина, способная только на черную работу. А здесь мне объяснили, что я талантлива, что я художник. Теперь я совершенно счастлива и понимаю, что мне удивительно повезло».

Анне действительно повезло. Но эта частная история успеха очень хорошо характеризует принцип работы любой хорошей мастерской. Хозяйка такой мастерской должны, конечно, страстно любить создавать по-настоящему красивые вещи — как дизайнер Эрманно Даэлли. И увлеченно заниматься повышением доходности предприятия — как Тони Шервино. Но любое создание вещей высочайшего класса требует участия мастеров. И этих мастеров надо искать, а встретив, не выпускать из рук.

Разумеется, не все делается вручную. Вещи кроются лазером, и вообще очень обильно используются высокотехнологичные способы обработки материала. Конечно, все, что можно автоматизировать, делается на новейшем оборудовании. Как бы ни ценился гибкий ручной шов, шить им джинсы или пуховики, да и сшивать полы жакетов и пальто — бессмысленная трата времени. Но вот отстрочка и отделка делаются только вручную. И качество проверяется не только глазами, но и руками: глазастые работницы местного ОТК пытаются оторвать пуговицы, шлевки и аппликации на каждой вещи. Обычно номер не проходит. Вещи Ermanno Scervino, как и любые мануфактурные вещи, создаются для долгого существования, а не на один сезон.

НЕИЗМЕННО ДОРОГИЕ МАТЕРИАЛЫ,
сложный крой и показательно усложненная
отделка — вышивка, аппликации, защипы,
бисер, галуны, кружево

Здоровая романтика Бад-Рагац в кантоне Санкт-Галлен

Екатерина Истомина |

ОТЕЛЬ-РЕЗОРТ, ЗАНИМАЮЩИЙ ПОЛОВИНУ ГОРОДКА, ПРЕДЛАГАЕТ ПОСТОЯЛЬЦАМ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОРПУС, ПОСТРОЕННЫЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА, И КОРПУС СОВРЕМЕННЫЙ, ОТКРЫТЫЙ ВСЕГО ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД

В GRAND RESORT BAD RAGAZ ПРИРОДНЫЕ ТЕРМАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРИНЯЛИ ФОРМУ БЛАГОРОДНЫХ КУПАЛЕН

КАК КУРОРТ Бад-Рагац начинался с вместительной горной пещеры, расположенной на уровне 1500 метров, — это первобытное капище, куда сегодня водят экскурсии, чем-то напоминая лабиринт из «Тома Сойера». В конце XVIII века жители Бад-Рагаца обнаружили, что живут практически в аптеке: вода, стекающая с гор, невыносимо пахла здоровьем, она заживляла раны и помогала суставам. Стоит заметить, что существует и более древняя легенда, согласно которой термальные источники нашли монахи — приблизительно на рубеже XIII–XIV столетий.

Сразу же после обнаружения источников обитатели деревни наладили своеобразное оздоровительное водоснабжение: они спускались с деревянными ведрами по крепким веревкам вглубь ущелья, где и зачерпывали термальную воду. Ныне в пещере можно увидеть крохотную музейную экспозицию: примитивные рисунки, сделанные черным карандашом, показывают, какие же невероятные кульбиты и опасные трюки совершали пионеры курортного дела. Впрочем, как настоящий курорт Бад-Рагац был порожден русской инженерной мыслью: господин, приехавший сюда из Санкт-Петербурга, построил первые курортные дачи — в середине XIX века. До наших дней дошли деревянные постройки, архитектура которых напоминает старые финские дома в Сестрорецке: список русской аристократии, отдыхавшей здесь в XIX веке, не уступит аналогичному списку французского Биаррица или немецкого Баден-Бадена.

Современный курортный быт Бад-Рагаца уверенно дышит дорогостоящим и высокоточным немецким порядком: в самом крупном отеле-резорте (Grand Resort Bad Ragaz), занимающем добрую половину городка, отдыхает аристократия и банковская бюрократия Лихтенштейна, а также самые достойные представители кантонов Цуг, Цюрих и Берн. Отдых и лечение стоят невероятно дорого; Grand Resort Bad Ragaz практически не участвует в рекламных или туристических гонках. Наличие в списках постояльцев князя Лихтенштейна (банковский городок Вадуц, крупнейший в карликовом княжестве, находится на другом берегу Рейна, всего в восьми километрах от курорта), а также присутствие на парковке отряда новых сверкающих «Бентли» дает право этому швейцарскому отелю прекрасно жить и вне шумных туристических сессий.

Термальная вода, которую некогда добывали непосильным трудом, теперь «упакована» в трубы: в Grand Resort Bad Ragaz есть бассейны (открытые, закрытые, с холодной, теплой и горячей водой), купальни и ванны, в целебных термальных водах которых неторопливо плещутся седовласые миллионеры — в перерыве между гольфом и визитом к врачу. Врачи в Grand Resort Bad Ragaz восстанавливают суставы и зубы, консультируют по вопросам ортопедии, диетологии, гинекологии и обмена веществ. Grand Resort Bad Ragaz является не только пятизвездным отелем, но и профессиональной медицинской клиникой и работающим на ее базе спа-центром.

Если вдруг вы не хотите лечиться, то ни один врач вас не потревожит: в Grand Resort Bad Ragaz сделано все, чтобы отдыхающий чувствовал себя самым здоро-

вым человеком на свете, не заглядывая во врачебный кабинет. Есть, например, гольф-поле на 18 лунок и еще на 9 тренировочных, и гольф-поле настолько большое, что почти доходит до границы с Лихтенштейном. Мы можем сообщить, что совершенно невозможно испортить здоровье в гастрономическом отелем ресторане с плотной швейцарской охотничьей кухней, где вяленый бок бизона (это новинка осенне-зимнего сезона) стоит целых 200 франков. Никак нельзя пройти мимо ресторана с паназийской кухней — с меню не хуже, чем в лондонском ресторане Аркадия Новикова, а также с великолепной коллекцией австралийских вин. А для того чтобы закрепить здоровый отдых, открыты три бара и пять магазинов с бриллиантами и часами, причем выбор — не хуже, чем на Банхофштрассе Цюриха.

Но самое главное в Бад-Рагаце — это величественный и непобедимый дух здоровья, причем это дух здоровья именно немецкоговорящей Швейцарии, строгой и дисциплинированной. Бад-Рагац — это словно твердый швейцарский франк бодрости, свежести и полноты жизни. Однако в Бад-Рагаце есть не только чувство полноты, но и редкое для современного глобального мира ощущение полного покоя, и об этом свидетельствовал еще немецкий философ-романтик Фридрих Шеллинг, на склоне своих бурных лет приехавший жить именно в Бад-Рагац и скончавшийся там на 80-м году жизни. Прекрасная немецкая романтика — с высокими горами и непроходимыми лесами и жизнелюбивая швейцарская молочно-мясная бодрость, словом, Бад-Рагац — это уникальное место даже для самой Швейцарии.

Модельный Улисс

Карл Лагерфельд преобразил «Метрополь» в Монте-Карло

Эдуард Дорожкин, Tatler |

В ПЕРЕРЫВАХ между работой в доме Chanel, строительством крытого парижского пассажа в «Гран Пале» — этим многотрудным делом Карл Лагерфельд занялся по просьбе организаторов Биеннале антикваров, решивших придать ей еще больше изящества, чем обычно, так вот в редкие часы досуга великий дизайнер-энтузиаст успевал заниматься куда более долгосрочным проектом. Декорации для антикварной выставки в «Гран Пале» как собрали, так и разберут, оставив площадку другим изобретательным экспонентам, а вот нимало не скорбный труд модельера по превращению открытых пространств отеля «Метрополь» в Монте-Карло в капилле мирового джет-сета не пропадет. До 15 лет безбедной счастливой жизни отведено таким масштабным (и дорогостоящим) макам мастера.

На первый взгляд бассейн «Метрополя», а также небольшой сад, его окружавший, ни в какой реставрации не нуждались: плыви себе с видом на старинное в завитушках казино и самые элитные крыши мира и радуйся. Жуй сэндвич на шезлонге и думай о том, как хорошо, что удалась твоя жизнь, и как, в сущности, несправедливо, что не удалась чьи-то еще, ну да, впрочем, ладно. Однако таково свойство беспокойной гостиничной индустрии вообще: она совсем не умеет поживать на лаврах, как некоторые известные журналисты, актеры или, скажем, даже президенты. Переделку, или реновацию, если использовать ужасный профессиональный жаргон, отельная публика считает законом жизни.

Ровно по этим же соображениям в 2004 году «Метрополь» был отдан в руки известнейшему мастеру деструкции, известному специалисту по уничтожению величайших гранд-отелей Жаку Гарсиа. Но так как в «Метрополе» уничтожать было нечего (уничтожили, слава богу, до Гарсиа), результат перестройки оказался совершенно неожиданный: из-под пера дизайнера вышел прекрасный, уютный отель. Отель, безусловно, лучший в Монте-Карло. Результат реновации оказался столь хорош, что князь Альбер II Гримальди, этот покорный покровитель 1 894 317 благотворительных организаций, этот атлет и эстет, теперь назначает свои фэйф-о-клоки только здесь, в форпосте арабских денег, а не в других известных приютах класса «люкс» — отелях «Де Пари» и «Эрмитаж».

Постояльцы отреставрированного «Метрополя» навсегда сохраняют в своих сердцах воспоминания и о мраморных колоннах, как бы дробящих пространство но-

меров на две части — спальню и гостиную. И о чудесном картофельном пюре знаменитого шеф-повара Жоэля Робюшона. И о колоритных шустрых старушках, прибывших в приморский отель из кантона Берн на сверкающем олдтаймере «Бентли» и теперь сводящих близкое знакомство с экзотическими «суши-сашими» в японском ресторане YOSHI.

И вот новый поворот: весь летний сезон бассейн отеля не работал, сайт предлагал «очень специальные» цены, а Карл Лагерфельд колдовал в тиши своей парижской мастерской над контурами новой легенды. На сей раз Лагерфельд спрятался за ширмой — в прямом смысле слова. Пространство, условно именуемое «бассейном», украсит стеклянная ширма из 15 фотографических фрагментов. Фотографии — вполне предсказуемо — сделаны самим Лагерфельдом, получившим на одну премию именно за свое умение «выпустить птичку». Они вытравлены на панели из стекла Optiwhite (тут знатоки должны присвистнуть) и подсвечены современной L.E.D.-системой (слышны крики «браво», «бис», дружные продолжительные аплодисменты). Каждый цвет вкрапливался в стекло при температуре 620 градусов — да и эта цифра впечатляет.

Сюжет, найденный Лагерфельдом для 15 драгоценных фрагментов, лежал на поверхности столетиями, но остальные проходили мимо, а он, гений в черных латах с белыми манжетами, за него ухватился — в дело пошел Улисс. Средиземноморские — ну а какие же еще? — странствия мифо-

логического героя стали канвой фотографического повествования.

«Кто такой Улисс?» — спрашивает нас хитроумный кайзер старой моды. Он князь Монако своего времени, не больше, не меньше! Кораблекрушения (то есть конкуренция со стороны новых портов), пираты (французские налоговые полицейские, пытающиеся сунуть свой сырный нос в уютный офшор), невезение (про личную жизнь его светлости написаны тома), а он все правит и правит своей прелестной Итакой, островком благополучия в два квадратных километра.

Верный благородному принципу «все в дом», Лагерфельд нашел фотографическую модель Улисса, что называется, не отходя от кассы. И вот «Улиссом» стал красавчик из марсельских предместий Батист Джабикони, бессменная муза модельера на протяжении последних трех лет. На фотографиях Батист Джабикони принимает солнечные ванны, бесстрашно передает себя в руки вакханок-массажисток и бросается в бездну гастрономических удовольствий — должно быть, в совместном ресторане Робюшона — Лагерфельда, который вот-вот раскроет перед клиентами створки меню. Словом, марсельский красавец живет привычной жизнью музы, и, однако, теперь все это факт не только его биографии, но и произведение искусства. Клиентам «Метрополя», привыкшим, что отель балует только лучшими образцами, чего бы то ни было, будет легко поверить в то, что так и надо: это ведь и их привычная жизнь тоже.

«МЕТРОПОЛЬ», ОТРЕСТАВРИРОВАННЫЙ В 2004 ГОДУ ЖАКОМ ГАРСИА, ЭТИМ ЛЕТОМ ПОЛУЧИЛ В КОЛЛЕКЦИЮ ПАННО РАБОТЫ ВЕЛИКОГО КАРЛА ЛАГЕРФЕЛЬДА. 15 ДРАГОЦЕННЫХ ФРАГМЕНТОВ, ПОВЕСТВУЮЩИХ О ПУТЕШЕСТВИИ УЛИССА

«Буду выигрывать в Сочи» Ванесса Мэй об оставленной музыке и зимней Олимпиаде 2014 года

OMEGA LADYMATIC:
ЖЕНСКИЕ ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ
С ГИЛЬОШЕ И БРИЛЛИАНТАМИ

OMEGA RUSSIAN NIGHT В ЛОНДОНЕ:
ПРЕЗИДЕНТ ЧАСОВОЙ МАРКИ
СТИВЕН УРКХАРТ, ПОСОЛ ОМЕГА
ВАНЕССА МЭЙ И СТАРШИЙ ВИЦЕ-
ПРЕЗИДЕНТ ОРГКОМИТЕТА
СОЧИНСКИХ ИГР ИГОРЬ СТОЛЯРОВ

OMEGA AQUATERRA:
ЖЕНСКИЕ СТАЛЬНЫЕ
ЧАСЫ С СИМВОЛИКОЙ
ОЛИМПИЙСКИХ ИГР
В ЛОНДОНЕ

Британская скрипачка азиатского происхождения Ванесса Мэй на летних Олимпийских играх в Лондоне была представлена как новый посол часового искусства Omega, марки, которая является официальным хронометристом олимпийских соревнований. Ванесса Мэй намерена на время оставить занятия музыкой и международную концертную деятельность, чтобы посвятить себя большому спорту. На зимних Олимпийских играх в Сочи в 2014 году Ванесса Мэй, выступающая за команду Таиланда, будет бороться за медали в таких непростых дисциплинах, как слалом и гигантский слалом.

— **Что вас привело в большой спорт?**

— Во-первых, горными лыжами я занимаюсь намного дольше, чем музыкой. Впервые я скатилась с горы, когда мне было всего четыре года. Это за фортепиано я села позже! Сейчас я живу в Швейцарии, в Церматте, отличном месте для катания

и тренировок. Во-вторых, я хочу выступить в Сочи за команду Таиланда. Я китайка по матери, которая и перевезла меня когда-то в Лондон, и тайка по отцу, поэтому представлять Таиланд — логичный для меня шаг.

— **Были ли вы когда-нибудь в Сочи? Что вы знаете об этом городе?**

— Я много гастролировала по России: была и в Москве, и в Петербурге, и в русской Сибири, например в Красноярске, но вот в Сочи пока еще не была. Собираюсь туда в декабре, у меня будет небольшая поездка по России, и я включила в нее визит в Сочи. Хочу посмотреть на город будущих Игр. Я знаю, что о Сочи сейчас много говорят: много хвалят, но и много критикуют одновременно. Мне бы хотелось составить о городе собственное мнение. Кстати, у меня теперь есть мягкая игрушка, один из символов зимних Игр, — это пушистый белый медведь. Медведя мне подарил Игорь Столяров из оргкомитета сочинских Игр.

— **Как вы планируете совмещать спортивную подготовку с концертной деятельностью?**

— Никак! На время подготовки к Олимпиаде я собираюсь совсем оставить занятия музыкой и отменить все концерты. То есть на полтора года я вообще выхожу из обычного музыкального режима. Дело в том, что я очень серьезно отношусь к своей возможной спортивной и олимпийской карьере. Я прекрасно понимаю, что Олимпиада — это не любительское катание на курорте Церматт. Это международные соревнования высочайшего класса, поэтому усилий потребует много.

— **Почему вы выбрали слалом, да еще гигантский слалом, а не, положим, более эффектные фристайл или даже сноуборд?**

— Я с детства на горных лыжах, поэтому в слаломе мне будет привычнее, проще, выкрутасы и лыжные сложности не совсем мое. Вы должны понять, что я настроена не на участие, а на победу в Сочи. Звучит многообещающе, но я буду очень стараться победить. Вы увидите!

— **На специальной, русской вечеринке в Omega House в Лондоне президент часовой марки Стивен Уркхарт представил вас как нового посла часового искусства. Как началось ваше сотрудничество с Omega и какие именно модели вы носите?**

— Швейцария, где я сейчас живу, это довольно маленькая страна, там все, в сущности, друг друга знают. Так что шанс, живя в Церматте, встретить, например, на горнолыжном склоне людей из Omega, хронометристов многих Олимпиад, был очень велик. Зная мое давнее увлечение горными лыжами, Стивен Уркхарт, глава Omega, посчитал, что я могу представлять часы компании. В первую же нашу встречу он сказал, что у меня есть и хорошая физическая подготовка, и международная известность, и артистизм. Я согласилась на его деловое предложение, совсем не раздумывая. У Omega в часовых послах были и красавицы, например Сидни Кроуфорд, и спортсменки — Анна Курникова и Мартина Хингис, поэтому проект с Omega очень мне льстит. Сейчас у меня две модели Omega: ювелирные Ladymatic из желтого золота с белыми бриллиантами и стальные спортивные часы из линии Aquaterra с символикой Олимпийских игр в Лондоне. Однако если говорить честно, то я больше всего люблю ювелирные украшения, драгоценности. Особенная моя слабость — бриллианты и изумруды. Так как я современная девушка, то часто покупаю себе украшения сама и не вижу в этом никакой катастрофы.

Беседовала Екатерина Истомина

МОЯ РАБОТА С ХРОНОМЕТРИСТАМИ

Олимпийских игр Omega

только начинается

Коммерсантъ ВСЕГДА НА ВАШИХ ЭКРАНАХ

Бесплатный сервис Издательского дома «Коммерсантъ» — приложение «Коммерсантъ» для мобильных платформ iPhone (iPod-touch), Windows Mobile, Android и Windows Phone. Газета «Коммерсантъ», журналы «Коммерсантъ Weekend», «Коммерсантъ Власть», «Коммерсантъ Деньги», «Коммерсантъ Секрет фирмы», «Огонёк». Новостная лента, полный доступ к статьям, видео- и фотогалереям, удобный тематический рубрикатор, простая навигация, закладки для быстрого доступа, поиск по архивам, доступ к контенту из других приложений, экспорт в социальные сети с возможностью комментариев.

Пошаговая инструкция по установке мобильных приложений — на сайте kommersant.ru/mobile

Теперь и для Windows Phone!

HUBLOT

HUBLOT
Б У Т И К Ц У М
ул. Петровка, 2. Тел. (495) 933 73 00

www.hublot.com • twitter.com/hublot • facebook.com/hublot

Big Bang Costa Smeralda
Женский возвратный хронограф из красного золота.
Съемная защитная решетка украшена 319 бриллиантами
общим весом 1,49 карат. Ремешок из кожи аллигатора с каучуковой
подкладкой. Ограниченная серия 100 экземпляров
выпущена в честь 50-летия легендарного
курорта Порто-Черво на побережье Коста Смеральда.